

Санкт-Петербургский государственный университет
Русское общество истории и философии науки

**Второй Международный Конгресс Русского общества
истории и философии науки
«Наука как общественное благо»**

Том 7

Сборник тезисов

Москва
Издательство РОИФН
2020

УДК 13+16 (08)
ББК 72.3+87.22
НЗ4

Рецензенты:

Сорина Галина Вениаминовна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Пак Галина Станиславовна

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

Научная редакция и составление – Л.В. Шиповалова, И.Т. Касавин.

НЗ4 Наука как общественное благо: сборник тезисов / Научн. ред. и сост. Л.В. Шиповалова, И.Т. Касавин: В 7 томах. Т. 7. [Электронный ресурс]. – Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2020. – 68 с. ISBN 978-5-6045557-2-9. - Режим доступа: <http://rshps.ru/books/congress2020t7.pdf>

ISBN 978-5-6045557-2-9 (Т. 7)

ISBN 978-5-6043173-5-8

В сборнике публикуются материалы Второго Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки «Наука как общественное благо» (27-29 ноября 2020 года, Санкт-Петербургский государственный университет). В седьмой том вошли тезисы выступлений ключевых докладчиков и тезисы участников секций и постерной сессии «Актуальные проблемы логики, методологии, истории и философии науки и техники». На Конгрессе рассматриваются современные концептуальные и методологические проблемы истории и философии науки, эпистемологии естественных, технических и социогуманитарных наук.

Для исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, практических работников образовательных и социальных учреждений и общественных организаций.

ISBN 978-5-6045557-2-9 (Т. 7)

УДК 13+16 (08)

ББК 72.3+87.22

*Мероприятие проведено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 20-011-22064*

© Русское общество истории и философии науки, 2020

© Авторы, 2020

ЧАСТЬ 1

ТЕЗИСЫ ВЫСТУПЛЕНИЙ КЛЮЧЕВЫХ ДОКЛАДЧИКОВ

<i>Mol A.</i> Good for what? On scientific worth in practice	6
<i>Fuller S.</i> If science is a public good, why do scientists own it?.....	6
<i>Гусейнов А.А.</i> Наука и мораль.....	7
<i>Касавин И.Т.</i> Наука как общественное благо.....	7
<i>Vieno O.</i> Evidence, objectivity, and styles of scientific reasoning.....	7
<i>Лекторский В.А.</i> Технологизация науки как экзистенциальный вызов.....	8
<i>Beziau J.-Y.</i> What is an axiom?.....	9
<i>Gontier N.</i> Science as a Public good: lessons from mutual aid and symbiology.....	9

ЧАСТЬ 2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛОГИКИ, МЕТОДОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ УЧАСТНИКОВ СЕКЦИЙ И ПОСТЕРНОЙ СЕССИИ

<i>Diviacco P., Pavlov D.</i> Addressing Philosophical issues in Web based Scientific Collaborative Work.....	10
<i>Артемяева Т.В.</i> «О врачебной электрической силе»: опыты электролечения А.Т. Болотова.....	11
<i>Клюева Н.Ю.</i> Нейробиология: интеграция и междисциплинарность.....	11
<i>Лурье В.М.</i> Использование логических схем в византийском богословии.....	12
<i>Ноговицин О.Н.</i> Антропологическая парадигма и отношение целого и части в христологической полемике первой половины VI века: Леонтий Византийский и Иоанн Филопон.....	13
<i>Гончарко О.Ю., Черноглазов Д.А.</i> «Комментарий ко второй книге „Второй Аналитики“ Аристотеля» Феодора Продрома в контексте позднеантичной и византийской традиций комментирования «Второй Аналитики».....	14
<i>Чурилов Л.П.</i> Биологическое несовершенство человека как основа гуманизма и проблема противоположности научного и клинического мышления.....	15
<i>Алексеев-Апраксин А.М.</i> Процедура верификации в кластерных текстах.....	16
<i>Артамонов Д.С.</i> Репрезентация образа Петра I в медиапамяти.....	17
<i>Балакирева Т.А.</i> Цифровизация самостоятельной работы в процессе образования: техника и методология.....	17
<i>Барташевич Т.Ю.</i> Нравственная мотивация в профессиональной деятельности инженеров.....	18
<i>Биргер П.А.</i> Социально-эпистемологическая рефлексия университетской науки.....	19
<i>Быстров В.Ю.</i> Нелиберальные концепции толерантности в истории гуманитарных наук... ..	20
<i>Вострикова Е.В., Куслий П.С.</i> Грамматикализация категориальной ошибки и ее последствия для семантики и эпистемологии.....	21
<i>Галлямов Р.И.</i> Политизация и деполитизация научного знания в контексте биополитики... ..	22
<i>Грачева М.В.</i> Поиски оснований морали в современных нейронауках.....	23
<i>Денисов А.А.</i> Различие и общность опыта историка и историка философии при исследовании ментальностей: случай Жака Ле Гоффа и Карла Ясперса.....	23
<i>Дмитриев И.С.</i> Карьера в науке (личностные аспекты).....	24
<i>Антышко М.И., Васильева М.А., Дорофеев Д.Ю.</i> Иконография античных и средневековых философов в христианских храмах.....	25
<i>Иванов А.Г., Тихонова С.В.</i> Мифологизация времени в медиасфере.....	27
<i>Ильина Н.Л.</i> Парадигмальные «заблуждения» спортсменов при реализации «двойной» карьеры.....	28
<i>Карпов Г.В.</i> Побуждение к действию и суперпозиция агентных операторов: история одной идеи.....	28

<i>Киященко Л.П.</i> Этика фронта: язык зоны обмена.....	30
<i>Ковалева Т.В.</i> Анализ гуманитарных технологий экспертиз в решения этических и биоэтических дилемм.....	30
<i>Коловская А.Ю., Коловский Ю.В.</i> Дополненная реальность: философские аспекты технологии, реализующей восприятие, распознавание и идентификация визуальных, акустических и др. образов сложных динамических объектов.....	31
<i>Колосков А.Н.</i> Технический прогресс в современном образовании.....	32
<i>Крюкова Е.Б.</i> Научный потенциал художественного текста: от поэтики к этике.....	32
<i>Кузин И.В.</i> Деконструкция рационализма.....	33
<i>Куприянов В.А.</i> Эрнест Леопольдович Радлов как историк русской философии.....	34
<i>Куслий П.С., Вострикова Е.В.</i> Элиминация аргументов Карнапа против Хайдеггера с помощью формального анализа естественного языка.....	34
<i>Кутырев В.А.</i> Трансцендентальная философия как (об)основание и слепое предвидение возникновения на Земле постчеловеческой интеллектуальной реальности.....	35
<i>Ноговицын Н.О.</i> Техника как элемент жизни кластерного сообщества: попытка рефлексии.....	37
<i>Ларионов И.Ю.</i> Роль современных нейронаук в споре П.Сингера с этическим интуитивизмом.....	38
<i>Лешкевич Т.Г.</i> Цифровая детерминация: онтологические, антрополого-аксеологические и теоретико-методологические проекции.....	39
<i>Лисанюк Е.Н., Воеводин Н.М.</i> Комплаенс пациента vs право на отказ от лечения в медицинской риторике ортопеда.....	40
<i>Лощевский К.В., Коваль О.А.</i> Социальное поле науки и проблема тавтологии и парадокса..	41
<i>Львов А.А.</i> Картина мира в жанре автопортрета, или Идеологический аспект научного знания.....	41
<i>Майленова Ф.Г.</i> Этические коллизии применения технологии ВРТ. Моральные и психологические риски трансформации традиционных ценностей.....	42
<i>Мальшикин Е.В.</i> О распределенности знания в платоновском «Федре».....	43
<i>Масланов Е.В.</i> Социальные сети для ученых как общественное благо.....	43
<i>Машукова Е.Ю.</i> Лифшиц как историк науки (понятие эстетического в философской концепции М.А. Лифшица).....	44
<i>Микиртумов И.Б.</i> Выдвижение аргументов как вид коммуникативного действия.....	45
<i>Муравьев А.Н.</i> Проблема идеального в истории философии и науке: диалог Михаила Лифшица с Эвальдом Ильенковым.....	46
<i>Мухина С.Х., Пигров К.С.</i> Забота как деятельная форма познания: социально-философский анализ.....	46
<i>Ноговицын Н.О.</i> Современные технические средства в преподавании философии.....	47
<i>Овчинникова Е.А.</i> Этика и идеология в отечественной науке.....	48
<i>Павлова А.М.</i> Изменение эпистемических установок агентов и аргументативный дискурс..	49
<i>Паткуль А.Б.</i> Обоснование позитивных наук в региональных онтологиях у Э. Гуссерля и М. Хайдеггера.....	50
<i>Перов В.Ю.</i> Нейроэтика и технологии «виртуальной реальности».....	50
<i>Петренко В.В.</i> Наука об образовании: габитуализация образовательного капитала и его субъект.....	51
<i>Пирогов А.А.</i> Историко-философский анализ общественной деятельности В.А. Соллогуба как педолога.....	52
<i>Пирожкова С.В.</i> Стратегии работы с социальными ожиданиями от научно-технологического развития.....	53
<i>Поляков Н.С.</i> Деятельность У. Палмера в России в контексте православно-англиканского диалога.....	54
<i>Попов Д.С.</i> Понятие “одобрение” в стоической эпистемологии и образ ученого в моралистических эссе Алена (Э. О. Шартье).....	54
<i>Лисанюк Е.Н., Прокудин Д.Е.</i> К вопросу о концептуальных основаниях программного обеспечения для репрезентации делиберативной аргументации.....	55
<i>Рахманинова М.Д.</i> Либертарная эпистемология в Америке XX в.: Вольтерина де Клер, Майя Дерен, Мария Лугонес.....	56
<i>Рогозин Д.Д.</i> Семантика покрывтий для интуитивистских модальных логик предикатов....	57

<i>Романенко Ю.М.</i> Критика сциентизма в философии М. Хайдеггера.....	58
<i>Соколова Т.Д.</i> Историчность научного познания: подходы к определению.....	58
<i>Станжевский Ф.А.</i> Экстернализм в философии сознания Сьюзан Херли.....	59
<i>Стецкевич М.С.</i> Наука и религия в Викторианской Англии: споры вокруг «Очерков и обзоров».....	60
<i>Суровягин Д.П.</i> Соотношение редукции и объяснения в научной теории.....	61
<i>Титов С.М.</i> Влияние информационно емких исследований на структуру науки.....	61
<i>Тихонова С.В.</i> Историческая память как объект цифрового конструирования.....	62
<i>Филатова А.А.</i> Наука в стиле hugge: DIYbio и транспонирование лаборатории.....	63
<i>Чеботарева Е.Э.</i> Эффективность научных исследований в эпоху публикационной инфляции.....	64
<i>Чумакова Т.В.</i> Этика как наука в отечественной традиции конца XIX – начала XX вв.....	65
<i>Шапиро О.А.</i> Аргументативные паттерны «продающего» текста.....	65
<i>Шахнович М.М.</i> Мифы о чудовищах и их интерпретация в эпикурейской эпистемологии...	66
<i>Щеров В.И.</i> Постнеклассическая модель науки и метамодернизм.....	67
<i>Ярмак Ю.В.</i> Политическое отчуждение в истории и философии политической науки.....	67

НАУКА КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГО

ТЕЗИСЫ ВЫСТУПЛЕНИЙ КЛЮЧЕВЫХ ДОКЛАДЧИКОВ

GOOD FOR WHAT? ON SCIENTIFIC WORTH IN PRACTICE

Annemarie Mol

Professor Anthropology of the Body, University of Amsterdam

Is science a public good? One of the problems with answering this question is that there are many different branches and sub-branches of science. These may not be equally good, they may be good in relation to different goals and they are bound to have different downsides. To illustrate this, I present a few examples that widen out from biomedical facts to the research and health care practices around them. Take the fact that human bodies need around 2000 kilo calories a day. This depends on research practices, in which people were underfed and overworked. It may now be used to admonish people with overweight to count calories as if they were their own laboratory technician. However, the fact that some ways of eating are more satisfying than others, suggests that it might be better for those people to enjoy their food. Or take the diagnostic probing into the fact if, and if so where, a particular patient might have a stenosis impeding their blood flow. Different diagnostic techniques help with that probing in different ways that each have different benefits and side-effects. Or, other example, take the question how far aerosols spread if one coughs. The physicists who investigate this suggest that the answer is of direct relevance for epidemiological concerns about the spreading of infections. Virologists approach epidemiology in a different way, they are invested in the characteristics of different kinds of virus.

Hence, if science is a public good, this still leaves us with the question which specific goods different branches and sub-branches of science have on offer.

IF SCIENCE IS A PUBLIC GOOD, WHY DO SCIENTISTS OWN IT?

Steve Fuller

*Auguste Comte Chair in Social Epistemology
at the Department of Sociology at University of Warwick*

Both social democrats and neoliberals have struggled to make concrete sense of the attractive idea that science is a public good. In the mid-twentieth century heyday of the welfare state, the idea was invoked to explain why public taxes should be used to subsidize the university education of a relatively small portion of the population. In this context, “science as a public good” referred to the “added value” that university-trained people provided to the rest of society through their knowledge, skills, etc. With the rise of the “knowledge economy” in the 1980s, “science as public good” was seen as part of “human capital” development, which meant that everyone should acquire academic credentials to make society more prosperous and productive. However, it is not clear that either of these policies have made good long-term economic sense. A key problem here is that science isn’t naturally a public good but must be made such. Science naturally favours discovery and innovation, processes that create a strong epistemic distinction between those “ahead” and “behind” the arc of organized inquiry. Moreover, this distinction is promoted by a peer review process that routinely conflates judgements relating to “quality control” in the strict sense (i.e. judgements about the adequacy of evidence and reasoning on behalf of knowledge claims) and judgements relating to the prestige or fashionableness of topics of inquiry or the theories used to explore them. While many follow Kuhn in believing that such ‘streamlining’ of inquiry is necessary for science to make progress, others – including Popper and Hayek – regard it as tantamount to “rent-seeking” behaviour that turns science into a “club good”. In that case, science in some sense needs to be “demystified” as a form of knowledge in order to become a public good. Several lines of

thought will be examined in relation to this aim, including the role of undergraduate (i.e. non-professional) education, internet search engines, as well as more historical efforts to promote ‘proletarian science’ and a “universal language of science”.

НАУКА И МОРАЛЬ

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович

Академик РАН, профессор, научный руководитель Института философии РАН

Наука и мораль – два полюса сознательной установки человека по отношению к миру: первая говорит о том, что представляет собой мир сам по себе, вторая – о том, что делать с миром. Наука объективирует мир, превращает все, к чему она прикасается, в том числе и самого человека, в объект, мораль смотрит на мир субъективно, в своих интересах, т.е. интересах того, кто смотрит. Это различие лапидарно выразил Кант в вопросах: «Что я могу знать?» и «Что я должен делать?». Наука и мораль противоположны, что существенным образом входит в определение каждой из них: наука в своих суждениях характеризуется моральной (этической) нейтральностью, она вообще не морализирует, мораль принципиально антинатуралистична. Наука – это не мораль, не долг, это – знания. Мораль – это не наука, не знания, это – долг. Они связаны между собой не только логически в качестве диалектической пары, не только взаимным отрицанием. Они также связаны фактически, в качестве аспектов человеческой деятельности, практики, абстрактными (односторонними) рефлексией которой они, собственно, и являются. Позитивная (взаимопритягивающая) связь науки (познания) и морали (долженствования) может быть адекватно раскрыта в рамках философской традиции, понимающей бытие как практику. Во второй части доклада на примере философии поступка М.М.Бахтина будет показано как конкретно связаны между собой наука (познание), которая определяет содержание поступка, и мораль, которая ответственна за сам поступок в его живой персонально выраженной единственности. Поскольку познание во всех его возможных разновидностях есть персонально выраженный ответственный поступок, и любой поступок имеет свое предметное содержание, то одно не может существовать без другого. Наука и мораль в этом смысле дополняют друг друга.

НАУКА КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГО

Касавин Илья Теодорович

*Член-корреспондент РАН доктор философских наук,
главный научный сотрудник Института философии РАН*

Согласованность науки с ценностями гуманизма и гуманистический вклад науки в общественное развитие – две стороны проблематизации науки как общественного блага (public good). Насколько наука в силу ее особенной природы является благом для всего остального общества? И какое это благо – интеллектуальное, утилитарное или моральное? В какой мере общество – государство, частный капитал или отдельные люди – имеет права на науку как принадлежащую ей собственность? Эти вопросы являются ключевыми для общественного бытия современной науки как знания и социального института. Ответ на них есть прояснение статуса науки как когнитивного, политэкономической и морального блага.

EVIDENCE, OBJECTIVITY, AND STYLES OF SCIENTIFIC REASONING

Otávio Bueno

Professor and Chair, Department of Philosophy, University of Miami. Editor-in-Chief of Synthese

Styles of reasoning are descriptive tools to accommodate salient features of scientific practice; in particular, they provide conceptual devices to represent continuity despite significant theoretical and conceptual changes throughout the history of the sciences (Crombie [1994], Hacking [2002])

and [2012]). But can they also provide normative standards for the evaluation of scientific endeavors? In this paper, I argue that they can. After providing a characterization of styles of scientific reasoning, I argue that a crucial role within such styles is played by evidence, and how it is gathered, employed, and assessed. Despite the variety of conceptions of evidence available, there is a crucial core that remains constant, in terms of ruling out possibilities that would undermine the hypothesis or the phenomena under consideration, and this provides support for the normative traits that exhibit the styles of reasoning.

ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ НАУКИ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ

Лекторский Владислав Александрович

Академик РАН, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН

Тот тип науки, который возник в Новое Время (экспериментальное естествознание) с самого начала предполагал связь с техникой и технологиями – ведь без последних невозможно создание и использование экспериментального оборудования. Не случайно В.С.Стёпин называл возникшую в 17 в. цивилизацию, которая стала всё шире использовать результаты научных разработок, техногенной, а В.Г.Горохов считал, что именно в то время возник феномен, который мы сегодня называем технонаукой. Всё же технонаука – дитя последних десятилетий, хотя связь новой науки и техники была изначальной. Ведь на протяжении, по крайней мере, трёхсот лет фундаментальная наука была нацелена на получение нового знания, а не на предложение технологических проектов. Сегодня граница между фундаментальной и прикладной наукой, между наукой и технологиями становится всё более проницаемой, хотя ещё не исчезла полностью. Общество всё настойчивее требует от науки немедленной практической пользы. Идёт интенсивный процесс технологизации науки.

Уже имеющиеся сегодня, а также возможные в ближайшем будущем последствия этого процесса обсуждаются на примере использования разработок в области когнитивных науки и искусственного интеллекта для создания информационно-коммуникационных технологий и глобальной цифровизации всей жизни, начиная от экономики, сферы финансов, систем оборонной безопасности, образования, разных сфер культуры. Показано, как на основе цифровизации успешно решаются многочисленные практические проблемы. Но вместе с тем глобальная цифровизация означает экзистенциальный вызов, успешный ответ на который будет означать подъём человека на новый уровень развития, а неуспешный ответ приведёт к гибели человека. В этой связи анализируется понимание знания как возможности вычисления и характер использования машинной обработки «больших данных» для формулирования прогнозов. Показано, что прогнозы, делаемые в этом случае искусственным интеллектом, неожиданны для человека, не основаны на выявлении причинных зависимостей, поэтому не могут содержать в себе объяснения. Демонстрируется невозможность выведения научной теории из анализа «больших данных». Если бы в 17 и 18 вв. существовали способы цифровой обработки массива «больших данных», и они использовались бы вместо построения теорий, никакой науки в нашем смысле слова не было бы.

Идущая сегодня цифровизация памяти создаёт принципиально новые возможности для вмешательства в человеческую жизнь. Действия людей оставляют цифровые следы, которые доступны внешним инстанциям, способным контролировать поведение. Эти возможности используются уже сегодня в некоторых регионах Земли. Намерение приобрести с помощью цифровизации невиданную свободу оборачивается тем, что человек перестаёт понимать окружающий мир и самого себя, теряет автономию, попадает в рабство к искусственному интеллекту. Специально анализируется биотехнологический проект «цифрового бессмертия», показывается, что если бы оно было возможно (что само по себе сомнительно), оно означало бы попадание человека в такую ситуацию, в которой он был бы полностью управляемым сверхмощным машинным интеллектом и его жизнь была бы похожа на ад, из которого нет выхода, так как смерть исчезла. В докладе также анализируется идея «чтения мыслей» с помощью расшифровки нейродинамических кодов записи информации в головном мозге, показывается научная несостоятельность этой идеи и её опасные последствия для сохранения индивидуальной автономии. Делается вывод о том, что человек не есть сумма технологий, что наиболее важные ценности, делающие человека человеком (свобода, личная автономия,

субъективность, достоинство, идентичность, творчество, понимание, взаимопонимание, солидарность, признание) принципиально не технологизируемы. Делается вывод о том, что познание мира, в том числе такая его форма, как научное познание, не может быть редуцируемо к производству новых технологий, а является одной из высших человеческих ценностей. Делается вывод о необходимости философско-гуманитарной экспертизы технологического использования науки.

WHAT IS AN AXIOM?

Jean-Yves Beziau

*Prof. Dr., Department of Philosophy, Federal University of Rio de Janeiro,
President of the Brazilian Academy of Philosophy*

The notion of axiom is a fundamental notion not only in mathematics but also in science in general and having a philosophical meaning which is up to now far to be clear. First of all, we will start with a methodological question: how to approach this notion (definition, semantic cloud, quotation) and how to deal with it (normative vs. descriptive). Then, we will examine specific yet different typical senses of this notion in two cases: The Zurich Axioms and the Axiom of Choice. We will go on analyzing the notion of axiom, on the one hand, through the trichotomy axiom/definition/theorem, on the other hand, through the trichotomy axiom/truth/proof. We will furthermore discuss the rise and fall of the axiomatic method, the tentative to axiomatize not only mathematical theories but theories of empirical sciences like physics, biology or economy. And finally, we will explain why and how a conceptual approach can be better than an axiomatic approach.

SCIENCE AS A PUBLIC GOOD: LESSONS FROM MUTUAL AID AND SYMBIOLOGY

Nathalie Gontier

*Applied Evolutionary Epistemology Lab, Center for Philosophy of Sciences;
RG 1: Epistemology & Methodology Department for History and Philosophy of Science,
Faculty of Science, University of Lisbon*

When Russian thinkers such as Kropotkin, Famynstin, Kozo-Polyanski, and the controversial figure Mehrezkowsy introduced their ideas on mutual aid and symbiogenesis, they did so by drawing parallels between the natural world and human societal organizations. By doing so, they battled ideas put forth by liberal social contract theoreticians that man's natural state is one where everyone is at war, or social Darwinist ideas that portray existence as a struggle where only the fit survive. These scholars instead emphasized the benefits that arise from mutualist, commensal and synergist cooperation, both in nature and in society. In this report, we investigate, on the one hand, how both narratives underlie the emergence of different research programs within the genealogy of the biological sciences, and, on the other, we investigate how science itself can be understood not only to evolve by means of natural selection but through universal symbiogenesis and mutual aid.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛОГИКИ, МЕТОДОЛОГИИ,
ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ УЧАСТНИКОВ СЕКЦИЙ
И ПОСТЕРНОЙ СЕССИИ

**ADDRESSING PHILOSOPHICAL ISSUES IN WEB-BASED SCIENTIFIC
COLLABORATIVE WORK**

Paolo Diviacco

Istituto Nazionale di Oceanografia e di Geofisica Sperimentale

E-mail: pdiviacco@inogs.trieste.it

Dmitry Pavlov

VISmart

Most of the conventional iconography depicts scientists working in isolation in their laboratories. On the contrary modern science is based on collaboration and the circulation of ideas and observations. This is due, on the one hand, to the fact that full encyclopedic knowledge coverage by a single person is not possible anymore, but also to the fact that science, as Bruno Latour stated (Latour and Woolgar, 1979), is a social construct, which means that ideas and theories need to be supported by a community. As wide the community is, as strong the paradigm is perceived.

Collaborative research brings in the picture big promises but also problems. High specialization of researchers can result, during teamwork, in possible lack of understanding and difficulties in handling data in a consistent way. Collaboration is different from cooperation in the fact that the former aims at achieving a common goal, then when people with different backgrounds gather to collaborate speaking different languages, serious problems can arise.

Within some scientific domains such as, for example, geo-sciences, medicine or sociology, the traditional loop of science based on the comparison between the forecasts of a model and the observations often *does* work now. This makes it difficult to reveal possible flaws in a theory, so that multiple contrasting paradigms tends to develop and co-exist isolating researchers in tribes that speculate their own language and culture. In the perspective of a meaningful scientific collaboration, it is of paramount importance then to bridge these gaps.

Nowadays, all interactions among people, in general, come down to moving to a virtual space, and, of course, within the context of scientific research, this is even more pervasive. Not only researchers' verbal communication but also data and processes can be moved in shared spaces that can be accessed remotely, saving a lot of time and travelling (reducing human impact on the environment) and providing the possibility to access multiple times the same asset of knowledge or integrate it with further knowledge. In this perspective, any tool that can be devised to improve the current fragmentation of such shared spaces has to be based on the Internet. The semantic web is a dream (or for many people - a nightmare), where machines talk to other machines processing meaning obtaining more meaningful results. All this is based on the assumption that meaning can be fully formalized and used.

Considering human-to-human interactions, such perspective is not easy to be tracked down. As a first issue, following Polanyi (1966), not all what is known can be made explicit. In addition, possible formalization needs to be contextualized, which means that denotation is often not enough; we would need to consider connotation. Then, how can we support scientific collaboration?

OGS (Istituto Nazionale di Oceanografia e di Geofisica Sperimentale) and VISmart Ltd. developed a web based system that aims to support collaboration among researchers through the creation of virtual boundary objects made available through a web based collaborative portal called CollaOnto. A boundary object, a concept developed by Star and Griesemer (1989) in their ethnological studies in the nineties, is an artifact that allows two different and incommensurable communities

to nevertheless collaborate. They are weakly structured in common use and become strongly structured in individual use.

CollaOnto is based on a web-ontology as a backbone presenting to end users a graph that represents the ontology in order to help reducing the cognitive overload and providing links between graph nodes/terms/concepts to controlled vocabularies. In addition, each node of the graph will then act as a container of information providing to the node itself implicit meaning from its usage.

The system has been successfully used in several scientific collaborative projects, so far mainly in the scope of the geosciences and environmental sciences, while future plans are to extend its usage to other domains and contexts.

References

1. *Latour B., Woolgar S.* Laboratory life: The construction of scientific facts. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1979.
2. *Polanyi M.* The tacit dimension. New York, NY: Anchor Day Books, 1966.
3. *Star S.L., Griesemer J.R.* Institutional ecology, translations and boundary objects: Amateurs and professionals in Berkeley's museum of vertebrate zoology // *Social Studies of Science*. 1989. Vol. 19. No 4. pp. 387–420. DOI: 10.1177/030631289019003001

"О ВРАЧЕБНОЙ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ СИЛЕ": ОПЫТЫ ЭЛЕКТРОЛЕЧЕНИЯ А.Т. БОЛОТОВА*

Татьяна Владимировна Артемьева

*Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории культуры
Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена*

В докладе на основании опубликованных и рукописных сочинений А.Т. Болотова (1738-1833) будет проанализирован его опыт в практической медицине, а также натурфилософские представления о природе электричества. Болотов опровергает существующие в его время мнения о бессмысленности изучения явлений электрицизма, так как современники не видели в этом явлении никакой возможности практического использования. На примере многолетних наблюдений над применением сконструированной им «электрической машины», Болотов показывает ее терапевтический эффект в лечении многих заболеваний. Интересны его рассуждения о природе воздействия электрических зарядов на организм человека и особенности человеческой физиологии. Записки Болотова помогают воссоздать натурфилософские представления образованного человека из внеакадемической среды. Многолетние наблюдения Болотова также дают ценнейший материал для истории медицины и социальной истории.

НЕЙРОБИОЛОГИЯ: ИНТЕГРАЦИЯ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ

Н.Ю. Ключева

*Кандидат философских наук, доцент философского факультета МГУ имени М.В.Ломоносова
E-mail: klyueva.msu@gmail.com*

Нейробиология приобретает статус самостоятельной биологической дисциплины в середине 20 века. Одним из значимых событий, конституировавших данную область научного исследования, оказалось открытие отделения нейробиологии в Медицинской школе Гарвардского университета (1966 г.). Руководителем отделения был С. Куффлер, который предложил объединить усилия ученых из таких областей как физиология, биохимия, гистология в рамках одного научного коллектива для исследования функционирования и развития нервной системы. Исторически нервная система, и мозг в частности, изучались специалистами из различных медико-биологических (или биомедицинских) дисциплин

* Исследование поддержано РФФИ, проект № 20-011-00175

независимо довольно обособленно друг от друга. Именно нейробиология смогла объединить усилия ученых из специальных дисциплин, занимавшихся мозгом, для исследования общего предмета, и ее история может быть примером удачного междисциплинарного взаимодействия на разных уровнях (методов, теорий, данных). В современной науке феномен междисциплинарности является, с одной стороны, достаточно распространенным, с другой стороны, имеет неоднозначную трактовку. Междисциплинарность (англ. *interdisciplinarity*) сама по себе может быть предметом научного исследования в рамках работ по истории и методологии научного знания. Интересным и продуктивным для анализа реальной научной практики, на наш взгляд, может быть типология междисциплинарности, включающая такие типы междисциплинарного взаимодействия как кроссдисциплинарность, мультидисциплинарность, интердисциплинарность и трансдисциплинарность [1]. В настоящий момент нейробиология оказывается включенной в единое «семейство нейронаук», или в поле «единой нейронауки», этими терминами принято обозначать весьма широкий спектр наук, в центре которых оказываются науки о мозге. Если в 60е гг. термин нейробиология и нейронаука фактически используются как эквивалентные, то в настоящее время в сферу нейронаук включают не только целый ряд биомедицинских дисциплин, но и такие дисциплины, как например, нейроинформатика (*neuroinformatics*). В области нейроинформатики специалисты занимаются разработкой и созданием программных средств и технических систем (в частности искусственных нейронных сетей, далее ИНС) по аналогии с устройством человеческого мозга. Однако нейроморфность ИНС не является обязательным условием разработок в данной области. Идеи об аналогии между устройством мозга и устройством ИНС можно проследить либо на самом раннем этапе развития этой области исследований (формальный нейрон Дж.Маккалоха, У.Питтса [2]), либо обратившись не к организации, а к результату действия ИНС. Результатом действия ИНС может (и должно быть) выполнение ряда интеллектуальных задач, которые определены в рамках психологии как результат действия когнитивных функций. В когнитивной психологии это такие традиционные функции, такие как ощущение, восприятие, внимание, память, мышление и речь. С точки зрения исследования междисциплинарности, интерес представляют также такие участники «семейства нейронаук» как культурная нейронаука (*cultural neuroscience*) и социальная нейронаука (*social neuroscience*), которые иллюстрируют взаимодействие дисциплин по типу кроссдисциплинарности (кроссдисциплинарность предполагает заимствование методов и/или теорий, и/или данных одной дисциплиной-реципиентом другой дисциплиной-донором) между науками о мозге и общественными дисциплинами.

Литература

1. А и Б сидели на трубе, или Междисциплинарность когнитивных исследований // Логос. 2014. № 1 (97). С. 19-34
2. Маккалох Дж., Питтс У. Логические исчисления идей, относящихся к нервной деятельности.// Автоматы. М.: ИЛ, 1956.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛОГИЧЕСКИХ СХЕМ В ВИЗАНТИЙСКОМ БОГОСЛОВИИ*

Вадим Миронович Лурье

*Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Социологический институт Российской академии наук*

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

E-mail: hieromonk@gmail.com

В современной логике логическими схемами называют графические иллюстрации пропозиций, а не отдельных термов; это графические средства логических вычислений, а не просто иллюстрации термов, которые были известны с античности. Впервые такие диаграммы были введены в современную логику Джоном Венном в статье 1879 года (и стали широко

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00134, «Наследие византийской философии в русской и западноевропейской философии XX–XXI вв.».

известны благодаря его монографии 1880 года). Сама идея, в свою очередь, представляла развитие диаграмм Эйлера («кругов Эйлера»), идея Эйлера восходила к неопубликованным до 1903 года идеям Лейбница, а Лейбниц, возможно, ориентировался на средневековых авторов вроде Раймонда Луллия. Однако диаграммы Эйлера передавали термы в силлогистике, а диаграммы Венна ориентировались на пропозициональную логику (и булеву алгебру). Вопреки установившемуся мнению, графические изображения пропозиций, а не только термов, встречаются в Византии. Эта обширная тема нуждается в изучении, т.к. большое число соответствующих рукописей либо не введены в научный оборот, либо введены некорректно (с пропуском или неточным воспроизведением графических материалов). Предварительно можно сказать, что разного рода графическими иллюстрациями к логическим рассуждениям византийские авторы особенно увлекались с IX по XIII века, хотя чаще всего, разумеется, речь шла не о логических схемах в современном смысле слова, а о графических репрезентациях термов. Не претендуя даже на поверхностный обзор этой темы в целом, мы будем говорить только об использовании логических схем (в современном смысле слова) в византийском богословии. В богословии они обычно служили для обсуждения троичного догмата. Первую и весьма рудиментарную схему такого рода нам удалось обнаружить у Фотия. Последовательно графический метод логических вычислений применяет к триадологии в начале XII века Евстратий Никейский. Нам неизвестны его рукописи, содержащие графический материал, но зато известны произведения, где он описывает свои логические схемы словами (т.е. он описывает словами геометрические фигуры, которые должны быть изображены); возможно, автографы Евстратия содержали рисунки. Подразумеваемая у него логика при этом консистентная; он настаивает на соблюдении всех трех основных законов логики Аристотеля (тождества, непротиворечия, исключенного третьего). Его оппоненты-современники возражают против применимости этой логики к Троице, но не выстраивают никаких альтернативных логических схем. Впервые логические схемы, для выражения пропозиций неконсистентной логики предлагает в 1270-е годы иеромонах Иерофей. Это вызывает ряд скандалов. Иерофею, которого и так уже постигло тюремное заточение от униатов, едва удается избежать соборного осуждения от православных. Тем не менее, дело его победило — конечно, на фоне того, что, независимо от использования логических схем, в XIV веке византийское богословие в очередной раз настояло на неприемлемости логически консистентных концепций Троицы. Логические схемы пережили эти смутные для себя сто с лишним лет благодаря тому, что сочинения иеромонаха Иерофея стали распространяться под именем священномученика Иерофея, епископа Афинского, учителя Дионисия Ареопагита. В таком качестве их воспринимает, пропагандирует и, тем самым, «канонизирует» главный богослов начала XV века (прямой учитель Марка Ефесского и косвенный — Геннадия Схолярия) Иосиф Вриенний. В XX веке об этих трудах Вриенния напомнил, считая их вполне актуальным православным учением, Думитру Станилоаэ.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА И ОТНОШЕНИЕ ЦЕЛОГО И ЧАСТИ В ХРИСТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VI ВЕКА: ЛЕОНТИЙ ВИЗАНТИЙСКИЙ И ИОАНН ФИЛОПОН*

Олег Николаевич Ноговицин

*Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Социологический институт РАН
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук*

Доцент кафедры общественных наук

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

E-mail: onogov@yandex.ru

Во-первых, в докладе предполагается рассмотреть логическую структуру, способы применения и риторический контекста функционирования доказательства посредством парадигмы (примера), с опорой на релевантные тексты Аристотеля и сохранившиеся тексты

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ №19-011-00778 «Леонтий Византийский и патристическая традиция».

неоплатонических комментариев (Аммония Александрийского, Иоанна Филопона, Давида, Стефана Александрийского).

Во-вторых, проанализировать логико-риторические возможности доказательства посредством *παράδειγμα* применительно к антропологической парадигме. Образцом для анализа выступит наиболее интеллектуально релевантный вариант подобной работы в христологической полемике VI века, а именно, интерпретация антропологической парадигмы в трактате Леонтия Византийского *Contra Nestorianos et Eutychianos*, т.е. доказательство на примере двусоставной природы каждого человека, включающей душу и тело, двусоставности ипостаси Христа, включающей в качестве своих частей божество и человечество (контекст: догматическая полемика с монофизитами, последователями Севира Антиохийского, и несторианами).

В-третьих, показать, что Леонтий строго в соответствии с характером парадигматического метода, предполагающего частный характер всех логических элементов, составляющих малый крайний термин (*πρωτότυπον* Христа) и пример (*παράδειγμα* человека) в доказательстве посредством *παράδειγμα*, рассматривает части в ипостаси каждого человека (душу и тело) и в ипостаси Христа (Слово и человека) в качестве частных, индивидуальных природ. Это позволит дать демонстрацию того, что как монофизиты и халкидониты в лице своих наиболее интеллектуально образованных авторов, так и философы неоплатонической комментаторской школы одинаково понимали отношение частного и общего в рамках категориального анализа онтологических и христологических (для школьной традиции имеется в виду Иоанн Филопон) понятий.

В-четвертых, рассмотреть полемику относительно применимости категориальной пары целого и части в контексте анализа возможности использования антропологической парадигмы в христологии. Примерами в данном случае послужат: опять же трактат Леонтия Византийского *Contra Nestorianos et Eutychianos*, а также релевантные места из трактатов Иоанна Филопона «Арбитр» и «О целом и частях». Частным следствием проделанного анализа должно будет стать обоснование тезиса о том, что непосредственным предметом критики Иоанна Филопона в «Арбитре» были в ее важнейших пунктах обоснования халкидонитской позиции по основным вопросам христологии и онтологии, представленные в трактате *Contra Nestorianos et Eutychianos* Леонтия Византийского.

«КОММЕНТАРИЙ КО ВТОРОЙ КНИГЕ „ВТОРОЙ АНАЛИТИКИ“ АРИСТОТЕЛЯ» ФЕОДОРА ПРОДРОМА В КОНТЕКСТЕ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ И ВИЗАНТИЙСКОЙ ТРАДИЦИЙ КОММЕНТИРОВАНИЯ «ВТОРОЙ АНАЛИТИКИ»*

О.Ю. Гончарко

Кандидат философских наук, научный сотрудник

Русская христианская гуманитарная академия

Доцент

Санкт-Петербургский горный университет,

Магистрант классической, византийской и новогреческой филологии

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: goncharko_oksana@mail.ru

Д.А. Черноглазов

Кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: d_chernoglazov@mail.ru

В докладе будет предпринята попытка систематически рассмотреть позднеантичную и византийскую традицию комментирования «Второй Аналитики» Аристотеля от первых комментаторов до XII века включительно и ее влияние на составленный Феодором Продромом (Θεόδωρος Πρόδρομος, ок. 1100 — 1158/1159 (?)) «Комментарий ко второй книге „Второй

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00207 «Логическое образование в Византии: Феодор Продром и логические опыты XII века».

Аналитики“ Аристотеля» (Θεοδώρου τοῦ Προδρόμου παράφρασις εἰς τὸ ὑστερον τῶν ὑστέρων Ἀναλυτικῶν τοῦ Ἀριστοτέλους). Данная работа является одной из трех логических работ, созданных Продромом в разных жанрах: наряду с ней он написал платоновский диалог «Ксенедем, или Гласы» (Ξενέδημος, ἢ Φωναί) о пяти предикабиях (φωναί) Порфирия и небольшой трактат «О великом и малом» (Περὶ τοῦ μεγάλου καὶ τοῦ μικροῦ), исполненный в жанре дружеского письма и являющийся по сути комментарием к «Категориям» Аристотеля и параллельно комментарием к «Комментарии к “Категориям” Аристотеля» Порфирия. «Комментарий ко второй книге „Второй Аналитики“ Аристотеля» является довольно объемным трактатом, который посвящен разбору основных вопросов аристотелевской теории доказательства и теории определения. Этот текст до сих пор не издан, однако подробное его содержание и одна из версий греческого текста доступны в диссертации М. Какурса [4].

Что касается позднеантичной и византийской греческой традиции комментирования «Второй Аналитики» Аристотеля, то она, помимо комментария Феодора Продрома, представлена тремя обширными сочинениями:

1. Фемистий (ок. 318 – ок. 388): Парафраз “Второй Аналитики” [1].
2. Иоанн Филопон (ок. 490 – ок. 570): комментарий ко второй книге “Второй Аналитики” [2].
3. Евстратий Никейский (1050/1060 – ок. 1120): комментарий ко второй книге “Второй Аналитики” [3].

В нашем докладе будет представлено краткое содержание каждого из комментариев, показана степень их оригинальности или преемственности как по отношению к аристотелевскому тексту, так и по отношению друг к другу. Будет рассмотрено, каким образом развивалась традиция комментирования и как в ее контексте видоизменялись и дополнялись теории доказательства и определения, как размышляли об устройстве аподейктических силлогизмов в IV, VI, XI и XII веках. Особое внимание будет уделено исследованию комментария Феодора Продрома, который мы проанализируем как в филологическом, так и в логико-философском аспекте: сопоставив текст его труда с комментариями более ранних авторов, мы попытаемся оценить меру его самостоятельности в сфере комментирования аристотелевского «Органона». Охарактеризовать обширный комментарий Продрома ко «Второй аналитике», до сегодняшнего дня почти вовсе не изученный, – важная задача византистики: это позволит составить представление о логических взглядах одного из интереснейших писателей XII в., а также углубить наши знания о византийской логической традиции эпохи Комнинов.

Литература

1. Themistii Analyticorum Posteriorum paraphrases / Ed. M. Wallies. B., 1900.
2. Ioannis Philoponi in Aristotelis Analytica Posteriora commentaria cum Anonymo in librum II / Ed. M. Wallies. 1909; English transl.: R. McKirahan. Posterior Analytics 1, 1-8. 2008; *Goldin O.* Posterior Analytics 2. 2008.
3. Eustratii in Analyticorum Posteriorum Librum Secundum Commentarium / Ed. M. Hayduck, 1907.
4. *Cacouros M.* Le Commentaire de Théodore Prodrome au second livre des Analytiques postérieurs d'Aristote. Thèse, Université de Paris-IV, 1992.

БИОЛОГИЧЕСКОЕ НЕСОВЕРШЕНСТВО ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВА ГУМАНИЗМА И ПРОБЛЕМА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ НАУЧНОГО И КЛИНИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Л.П. Чурилов

*Кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой патологии
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: elpach@mail.ru*

Компенсаторно-приспособительные механизмы, заложенные природой и запрограммированные в генетическом аппарате организма, принципиально несовершенны,

они обладают лишь относительной защитной эффективностью, основанная на них адаптация всегда имеет цену в виде нежелательных последствий их действия для тех или иных органов. Однако способность болеть, зависящая от этой особенности механизмов защиты, присуща нашей природе и делает нас человеческими. Абсолютно совершенное существо, не делающее ошибок, не человечно и не гуманно. Запрограммированные защитные реакции сами патогенны и порождают вторичные нарушения, часто несоизмеримо более вредоносные, чем действие первичного повреждающего фактора. Это ставит вопрос о здоровье как биологическом эквиваленте свободы и порождает ряд философско-этических противоречий, свойственных научно-медицинской деятельности. Принципиальная недостижимость или неприемлемо высокая цена основных целей, которые общественное сознание ставит перед медициной, лежит в основе несовпадения научного мышления и клинического мышления. Цели, условия и каноны этих двух взаимосвязанных, но различных типов интеллектуальной деятельности сопоставляются в докладе применительно к общественному восприятию научной и врачебной деятельности и проблемам экспериментофобии и нео-обскурантизма. Показано, что медицина как часть культуры человечества, связанная со здоровьем и болезнями, не является только наукой и органично включает ненаучные элементы. Обосновывается тезис о вырождении доказательной медицины и ее превращении в антинаучную. Критикуются этические системы, стирающие грань между нормой и патологией и игнорирующие основополагающие биологические различия между людьми.

Ключевые слова: научное мышление, клиническое мышление, типовые патологические процессы, первичная альтерация, вторичная альтерация, здоровье, болезнь.

ПРОЦЕДУРА ВЕРИФИКАЦИИ В КЛАСТЕРНЫХ ТЕКСТАХ*

Анатолий Михайлович Алексеев-Апраксин

Доктор культурологических наук,

доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: apraksin.spb@gmail.com

Изменения в схемах производства и алгоритмах коммуникации, которые чаще всего связывают с постиндустриальным обществом, затрагивают как сферы культуры в целом, так и искусство в частности. Еще в середине XX века многие аспекты культуры могли существовать и развиваться самостоятельно. В современном обществе многие тексты оказываются объединены в кластеры. Такая структура текста влияет непосредственно как на концептуально-ситуационных единения в сфере художественной культуры, так и в тех бизнес и политических процессах, на которых они основываются. Особенностью кластерных формирований оказывается то, что их формирование по определению проходит децентрализованно, что порождает целую серию проблем в их описании и аналитике.

Ключевыми признаками кластерных сообществ является децентрализация, подбор компонентов по функциональному признаку, отсутствие линейности в организации. Многие современные тексты полностью соответствуют этой структуре и, следовательно, по форме эквиваленты кластерам. Важным следствием этой трансформации является изменение модели подтверждения культурных текстов. В современной культуре классические модели верификации работают все хуже и хуже, на их место встает репутационный признак, который является важной частью кластерной структуры.

* Исследование профинансировано Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) в соответствии с исследовательским проектом № 18-011-00977 («Кластерная культура: исследовательские стратегии и философская аналитика») / The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research project № 18-011-00977

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ПЕТРА I В МЕДИАПАМЯТИ*

Денис Сергеевич Артамонов

Кандидат исторических наук, профессор

Саратовский национальный исследовательский государственный университет

имени Н.Г. Чернышевского

E-mail: artamonovds@mail.ru

Аннотация доклада. Актуальность изучения образов знаковых исторических личностей детерминирована трансформацией исторической памяти под воздействием современной медиасферы. Петр I ключевая фигура российской исторической памяти, ставшая символом государственного строительства, патриотизма и цивилизационного выбора. Образ этого правителя России является неотъемлемой частью государственной политики памяти, и предоставляет огромные возможности для улучшения ее эффективности. В то же время, бурное развитие сервисов социальных сетей, характерное для последнего десятилетия, вовлекает массовую аудиторию пользователей Интернета в процессы конструирования образов прошлого. Образ Петра Великого представляет собой не статичный символ, сформированный учебниками истории, научной и художественной литературой, а также произведениями искусства, а динамичный, развивающийся объект исторической памяти, постоянно модифицируемый в медиасреде. Интернет-пользователи, создающие массивные информационные потоки исторического контента, используют историческую фигуру Петра I для формирования коллективной и индивидуальной идентичности, изменяя основные параметры образа в соответствии со своими мировоззренческими позициями. Клишированный образ Петра Великого выступает не только орудием политики памяти, но и становится одним из инструментов мемориальных войн, разворачивающихся в медиапространстве. Выявление новой роли образа Петра I в исторической памяти современных россиян позволит разработать инновационные исследовательские стратегии для изучения функционирования общественного сознания в условиях компьютерно-опосредованной среды, сетевых интеграций и дополненной реальности.

В условиях широкого распространения социальных медиа возникает новое пространство циркуляции исторического контента, вытесняющее традиционную коммуникативную память. Образы исторических личностей являются в этом медийном пространстве одним из самых распространенных. Образ Петра Великого в общем объеме исторических данных, представленных в медиасреде, на равных конкурирует с другими выдающимися деятелями российской истории. В цифровых условиях формируются новые параметры символического капитала исторических деятелей, а также изменяется баланс коммуникативной и культурной памяти, и способы их коммуникации, что радикально меняет облик исторической памяти.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕХНИКА И МЕТОДОЛОГИЯ**

Татьяна Андреевна Балакирева

*Магистр культурологии, заместитель начальника отдела образовательных программ
по направлению философия*

Санкт-Петербургский государственный университет

Balakireva_tanya@mail.ru

Современный образовательный процесс характеризуется включением в цифровую экономику, необходимым и обязательным, поскольку познавательные запросы субъекта культуры, родившегося уже после изобретения Интернета не могут не отличаться от познавательных запросов предыдущих поколений. Культура первой четверти XXI века повсеместно демонстрирует необходимость как преемственности на всех уровнях образования

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ (20-09-42063 «Петр I в исторической памяти современной России: репрезентация образа в медиасреде»).

** Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ (№ 20-013-00865 А «Социокультурная функция образования в России: философская аналитика»).

и учета традиционных классических методик, так и внедрения новых технологических подходов с целью наибольшего вовлечения обучающегося в процесс освоения компетенции. Вовлечение обучающегося возможно при условии применения практик и технологий, заинтересовывающих его и сподвигающих к творческому действию. Такие практики, как например, ролевые игры, кейс-стади или мозговой штурм провоцируют творческий гений на производство идей и смыслов. Остается лишь выработать новую модификацию стратегии традиционного взаимодействия «преподаватель-студент» для стимуляции самостоятельной работы творческого гения так, чтобы цели, поставленные в начале очной работы, достигались и при дистанционном взаимодействии. Одной из таких может выступать включение в этот процесс цифрового посредника, например, использование на занятиях VR-очков. Возможности такого взаимодействия практически безграничны, однако, научают ли они чему-либо? Использование данной технологии предполагает вывод текста на экран, проигрывание звуковой дорожки и возможность ввести информацию. Что остается для преподавателя? Анализ произведенных манипуляций и рефлексия на тему верности или неверности совершенных действий?

К сожалению, современные образовательные технологии с высокой результативностью работают в очном варианте, а дистанционное взаимодействие обучающегося и преподавателя на уровне высшего образования и, например, в частности, подготовки выпускной квалификационной или курсовой работы не всегда приводит к намеченной цели. Достаточно часто встречаются проблемы коммуникации научного руководителя и обучающегося. Как решить данный вопрос? В одних образовательных учреждениях существуют информационно-аналитические системы, в рамках которых можно контролировать работу, прodelьваемую к определенному времени. В других образовательных учреждениях приветствуется общение преподавателя с обучающимися посредством электронной почты. Оба данных подхода способны работать сообща, однако остается открытым вопрос о стимуляции работы творческого начала у обучающегося при дистанционной коммуникации. Методы преодоления инертности и безынициативности у обучающихся при самостоятельной работе не могут основываться на психологическом воздействии на обучающегося, поскольку его пассивность есть уже результат воздействия на него системы образования. В настоящий момент можно только обозначить, наметить тенденции, совокупность которых позволит лишь подойти к решению проблемы самостоятельного обучения: конфиденциальность взаимодействий преподавателя с обучающимся (позволит сохранить личностные отношения и воспитать ответственное отношение), доверие и признание авторитета преподавателя, рефлексивно-аналитический подход к коммуникации с обеих позиций. Стоит так же не упускать из внимания, что цифровизация коммуникации в паре «преподаватель-студент» лишает информацию эмоциональной окраски, которая в большинстве случаев благотворно способствует усвоению информации. Вынесение за скобки эмоционального момента в коммуникации происходит по причине работы медиатора, который как бы стерилизует смысл сообщения при передаче от одного коммуниканта к другому. И тогда суть сообщения сводится к факту, к констатации, и безапелляционности. Этот момент, к сожалению, демонстрирует негативную сторону дигитализации образовательных методик, поэтому современный уровень цифровизации образовательных технологий требует тщательного осмысления и модернизации.

НРАВСТВЕННАЯ МОТИВАЦИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНЖЕНЕРОВ*

Татьяна Юрьевна Барташевич

*Кандидат философских наук, доцент кафедры этики
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: bartashevi4@gmail.com*

Доклад посвящен обзору результатов исследования практики нравственной мотивации в профессиональной деятельности инженеров, на примере Института инженеров

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ (№ 19-011-00234 А «Моральная нормативность в профессиональных этических кодексах в условиях формирования цифрового общества»).

электротехники и электроники (IEEE) – крупнейшей в мире профессиональной ассоциации технических специалистов в области разработки стандартов по радиоэлектронике, электротехнике и аппаратному обеспечению вычислительных систем и сетей (более 420 тыс. членов ассоциации). Основная цель IEEE - способствовать технологическим инновациям и совершенству на благо человечества.

В ходе исследования был осуществлен анализ содержания двух документов - Кодекса этики IEEE (ред.1990 г.) и Глобальной инициативы по этическим рекомендациям для искусственного интеллекта и автономных систем (ИИ/АС), в т.ч. Программы этически обоснованного проектирования (Ethically Aligned Design, First Edition, 2019).

На основе содержательного анализа Кодекса этики IEEE были выявлены базовые категории профессиональной этики инженеров: профессионализм и репутация (профессиональная компетентность, персональная ответственность перед лицом профессии), непричинение вреда, безопасность, здоровье и благосостояние население, честность и открытость в признании ошибок и заслуг, объективность и беспристрастность, справедливое и равное отношение ко всем, профессиональная взаимопомощь и поддержка, отказ от взяточничества.

Программа этически обоснованного проектирования IEEE - это комплексная работа, результат консенсуса глобального сообщества разработчиков ИИ/АС. Программа дает обзор ключевых вопросов и проблем, предлагает конкретные руководящие указания по этическим принципам, стандартам, сертификации, регулированию и законодательству для проектирования, изготовления и использования ИИ/АС, которые потенциально будут способствовать социальному благополучию. Программа предназначена не только для информирования широкой общественности, но и для стимулирования аудитории из числа ученых, инженеров, политиков и производителей ИИ/АС. Миссия Глобальной инициативы IEEE, в рамках которой разработана Программа, состоит в том, чтобы участники исследований, разработки, производства или обмена сообщениями в области ИИ/АС (в т.ч. университеты, организации и корпорации), были обучены, подготовлены и мотивированы ставить в приоритет этические соображения при разработке и развитии ИИ/АС.

Анализ практики применения Кодекса и Программы позволяет выявить ряд проблем в области нравственной мотивации в профессиональной деятельности. В качестве примеров можно привести «вуалирование» материальной и статусной составляющих (престиж членства в ассоциации, скидки на конференции, доступ к он-лайн библиотекам и тренингам) этическими ценностями, т.е. соблюдение нравственных предписаний обеспечивается, прежде всего, бонусами, которые дает членство в ассоциации, потраченными средствами на членские взносы и т.п., а не осознанным принятием декларируемых ценностей.

Проведенное исследование демонстрирует отсутствие достаточных структур для поддержки этических систем и практик, связанных с финансированием, развитием и использованием ИИ/АС, а также подтверждает необходимость дальнейшего изучения функционирования моральных ценностей как средства коммуникации между различными субъектами профессиональной деятельности, изучения и оценки эффективности нравственной мотивации субъектов профессиональной деятельности в современных коммуникативных условиях.

СОЦИАЛЬНО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ*

Павел Аркадьевич Биргер

*Выпускник аспирантуры философского факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: vitaet@gmail.com*

Современное требование эффективности и результативности, присутствующее в научной политике, затрагивает различные модусы бытия науки. Относительно университетской науки

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РГНФ (ОГН) (, проект № 15-03-00572. Проблема эффективности научных исследований. Философский и исторический контексты).

оно выражается в эффективных контрактах, в особых требованиях к осуществлению конкурсных процедур, в способах оценке деятельности работника и организации в целом. Такое требование профессорско-преподавательский состав и научные сотрудники университета воспринимают как внешнее. Перед этим требованием они оказываются пассивными, лишенными права и возможности реализовывать задачу науки в университете, связанную с единством образования и исследования, совместным со студентами поиском истины. В этом смысле автономия университета, провозглашенная еще с начала его возникновения и закреплённая в тезисах философов, определяющих основания немецкого классического университета, входит в противоречие с указанным требованием. Сопrotивление ему со стороны научного сообщества, как правило, обречено на провал. В лучшем случае оно оставляет воспоминания о героической судьбе пользующихся авторитетом университетских преподавателей, вынужденных оставить свою работу, подчиняясь жестким наукометрическим стандартам, формализовано выражающим эффективность науки. Стоит задать вопрос – возможен ли иной путь, с одной стороны, сохраняющий автономию университетской науки и, с другой, учитывающий относительную рациональность требований эффективности. Путь этот, на наш взгляд, лежит через историческое переосмысление соответствующих концептов и актуализацию воли соответствующих субъектов признавать результаты этого переосмысления.

Во-первых, это относится к концепту автономии, которая только в средневековом смысле понималась как отдельность. Основателями же немецкого классического университета и новоевропейскими философами автономия познания и науки рассматривалась как всеобщность значимости идей. В этом смысле интеллектual не в последнюю очередь был «публичным интеллектualом», включающимся в общественные дискуссии по поводу признаваемым обществом важными проблем. Во-вторых, эффективность, только с конца XIX века трактуется в экономическом контексте как разница полученного результата и затрат и предполагает квантификацию результатов труда ученого для возможности измерения этой разницы. До этого эффективность трактовалась как способность воздействия, в том числе интеллектualного воздействия на общественное сознание. В этом смысле концепт эффективности оказывался дополнительным по отношению к концепту автономии, но не противоречащим ему. Именно эта совместимость концептов может быть реализована и в современной университетской науке. Более того, может быть показано, что отрицание связи эффективности с автономией может привести к возвращению той автономии, которая характеризовала средневековые университеты – автономия как отдельность, предполагающая отсутствие включения ученых в публичные дискуссии. Представляется, что такое «невключение» под видом борьбы за автономию может оказаться сомнительным не только с социально-политической, но и с эпистемологической точки зрения. «Свобода университета от политики» может обернуться скрытой политизацией научных исследований, особенно в области социально-гуманитарных наук, способных собственными экспертными суждениями не только соблюдать требования автономии и научной объективности, но и активно воздействовать на общественное сознание, формируя объективное критическое мышление в реагировании на значимые для всего общества вопросы.

НЕЛИБЕРАЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ИСТОРИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК*

Владимир Юрьевич Быстров

Доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: Vyb83@yandex.ru

Объектом анализа в докладе являются либеральные и нелиберальные концепции толерантности, их сильные и слабые стороны. В центре либеральной концепции находится идея толерантного государства, которое должно ограничивать свою свободу, чтобы гарантировать

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ (Проект 19-011-00779 «Нелиберальные концепции толерантности: история, практика, перспективы»).

свободу своих граждан. Согласно фундаментальным принципам либерализма единственной причиной ограничения свободы может быть только то, что угрожает свободе как таковой. Экстраполяция этого принципа в сферу религиозной жизни означает, что, во-первых, толерантное государство должно гарантировать свободу совести всем гражданам, а во-вторых, что свобода может быть ограничена лишь тогда, когда отсутствие таких ограничений угрожает общественному порядку, который гарантирует предоставление свободы совести всем гражданам. В докладе показано, что либеральная концепция толерантности основана на иррациональной предпосылке, предполагающей, что вопрос о том, какая именно вера служит основанием критики веры других людей, намеренно остается без ответа. В докладе ставится под сомнение распространенное мнение, что либеральная концепция толерантности является безальтернативной. Приводятся описания двух нелиберальных концепций – «единой религии» (исторического прообраза всех существующих религиозных форм) и «изначальной традиции» (истинного содержания, скрытого за внешней оболочкой религиозной формы) – которые могут служить эффективным обоснованием практик толерантности. Слабые места либеральной концепции толерантности объясняются, помимо прочего, тем обстоятельством, что, начиная с учения о веротерпимости Дж. Локка, либеральная концепция толерантности является скрытой апологетикой имперских практик, т.е. именно тех, которые с самого начала объявляются несостоятельными.

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ОШИБКИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СЕМАНТИКИ И ЭПИСТЕМОЛОГИИ**

Екатерина Васильевна Вострикова

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: katerina-vos@mail.ru

Куслий Петр Сергеевич

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: kusliy@iph.ras.ru

В современной отечественной семантике и эпистемологии до сих пор можно встретить попытки грамматикализировать категориальную ошибку, т.е. представить категориальные ошибки как пример грамматической некорректности. Когда подобные попытки осуществляются в рамках проектов по моделированию естественного языка, возникает целый ряд возражений, которые, по нашему мнению, должны подтолкнуть исследователей к переосмыслению самого феномена категориальной ошибки и к отказу от рассмотрения этого феномена как имеющего отношение к правилам грамматики.

Со времен Г.Райла, категориальная ошибка рассматривалась как ошибка мышления, заключающаяся в приписывании объекту свойств, которые в принципе не могут быть ему присущи. «Цезарь есть простое число» - один из примеров утверждений, содержащих категориальную ошибку. Другим известным типом примеров является ситуация, в которой индивид, который ознакомился, скажем, со всеми корпусами и служебными зданиями какого-то госпиталя, вопрошает «А где же сам госпиталь?». Думая, что госпиталь – это не все, увиденные им здания вместе, а еще какое-то дополнительное здание, такой человек ошибается особым образом: сформулированное в его сознании утверждение «Госпиталь есть еще одно здание, которое мне предстоит увидеть» содержит категориальную ошибку, ибо госпиталь (по крайней мере в описанном случае) в принципе не является зданием.

Занимая прескриптивную позицию к грамматикам естественных языков, мы рассматриваем их не как социальную конвенцию, а как набор правил, которыми бессознательно владеет любой носитель языка и в соответствии с которыми он выстраивает синтаксическую структуру формулируемых им высказываний. Таким образом, любой компетентный носитель языка способен легко отличить грамматически корректное выражение

** Подготовлено при поддержке РФФИ, проект № 17–29–09178 офи_м «Анализ языка и междисциплинарность».

о некорректного исключительно в силу структурных особенностей этого выражения. Если категориальная ошибка – синтаксический феномен, то некорректность фразы «Госпиталь есть еще одно знание, которое мне предстоит увидеть» или «Цезарь – есть простое число» должна быть очевидна носителю языка уже на этапе формулировки этих утверждений. Но это не так. Следовательно, категориальная ошибка не является грамматическим феноменом в естественном языке.

В рамках нашей экспозиции данное эпистемологическое возражение будет дополнено рядом семантических возражений, представленных в новейшей литературе. Таким образом, мы представим согласованный аргумент против грамматикализации категориальной ошибки в естественном языке.

ПОЛИТИЗАЦИЯ И ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ БИОПОЛИТИКИ*

Роман Ильмирович Галлямов

Магистр философии

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: gallyamovri@gmail.com

В конце XX века многие философы в качестве борьбы с определенными тенденциями в различных сферах бытия предлагают обратить внимание на особую область жизни, в которой субъект сталкивается с собой. Примером такого случая является призыв М. Фуко к практикам себя как контрстратегии биополитике, которая стала объектом его критики. Особо важным представляется тот факт, что, размышляя о действиях биовласти, Фуко отмечает, что она имеет особое влияние на сферу научного знания: будучи «подчиненной» данному типу власти научное знание представляет собой лишь инструмент обоснования и сохранения власти, что дает еще одно основание для сомнения в объективности и значимости научного знания. С более метафизической точки зрения к этому вопросу подошел М. Хайдеггер. Задавая вопрос о сущности техники, он приходит к следующему выводу: сущность техники, которая раньше была заключена в раскрытии потаенного, в Новое время изменилась, и вместо этого техника сегодня занимается одновременно раскрытием и утаиванием раскрытого как «состоящего-в-наличии». Философ называет такую ситуацию поставом. При этом М. Хайдеггер, как и М. Фуко, отмечает, что развитие науки и техники порождает новые формы управления. И самое главное здесь то, что теряет свою сущность и человек, ведь он прежде всякой техники оказывается «состоящим-в-наличии». Критику отношения науки и политики можно найти и у Б. Латура. Тем не менее, каждый из названных философов, и большинство тех, кто затрагивает представленную тему видят выход в особых практиках, направленных на субъективность. М. Фуко, говоря о сопротивлении биополитики, обращает внимание на античный опыт заботы о себе, М. Хайдеггер считает, что вопрос о ничто поможет понять сущность научного знания и осмыслить его. Что касается Б. Латура, то он деполитизации научного знания предпочитает признать за наукой статус политического института, однако вместо тоталитаризма науки предлагает демократию среди различных видов знания. В целом, отношение между знанием и властью является фундаментальным для общества, однако, следует помнить, что, хоть они всегда находятся во взаимосвязи, необходимо, чтобы они сохраняли свою самостоятельность.

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ (№ 19-011-00826 А «Политизация и деполитизация философии в контексте биополитики: сравнительный анализ полемических дискурсов»).

ПОИСКИ ОСНОВАНИЙ МОРАЛИ В СОВРЕМЕННЫХ НЕЙРОНАУКАХ*

Мария Витальевна Грачева
Аспирант института философии
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: magra_piter@mail.ru

Существует огромное количество исследований, посвященных изучению морали с точки зрения естественных наук. Однако действительно ли к феномену морали приводят данные рассуждения? Мораль – сложный феномен, затрагивающий не только физиологические, но и когнитивные стороны индивида. Мораль – механизм, формирующий внутри социальной структуры на основе опыта, принципы и нормы, которыми руководствуется общество.

Объяснить данный феномен с биологической точки зрения пытались многие, а в настоящее время при современном уровне прогресса и исходящих из этого возможностях, понять, что же именно отвечает в нашем организме за такую необъяснимую вещь, как мораль, пытаются еще активнее.

Еще Герберт Спенсер говорил об эволюционных причинах происхождения морали. С его точки зрения, мораль – эволюционно выгодное поведение, позволяющее людям договариваться между собой.

Похожие наблюдения были установлены уже в наше время американским специалистом в области нейроэкономики Полом Заком¹, который пытался найти биологический источник морали. По мнению исследователя, таким источником является гормон окситоцин, отвечающий у млекопитающих за заботу о потомстве. Пол Зак называет этот гормон «молекулой доверия», так как он вырабатывается в мозгу человека, когда тот испытывает доверие к другому. «Окситоцин дает нам чувствовать то, что чувствуют другие» - говорит Пол Зак.

Другой исследователь в области когнитивной нейронауки Ребекка Сакс² рассматривала вопрос о том, какая область мозга позволяет нам оценивать и анализировать поступки других людей. То есть, по сути, думать так, как думают другие. Эта область мозга находится на правом стыке виска и темени и называется RTPJ. С помощью транскраниальной магнитной стимуляции исследователи воздействовали на RTPJ, что приводило к незначительному, но изменению, отношения к предложенным ими кейсам.

Однако в ситуации с доверием и окситоцином, и областью мозга RTPJ, отвечающую за анализ действий других, мы говорим об умении человека ставить себя на место другого, а именно, об эмпатии. Которая является лишь частью того, что понимается под моралью.

Таким образом, можно было бы утверждать, что мораль – это и есть эмпатия, то есть возможность сопереживать другому. Тем не менее мораль состоит из общественных и индивидуальных принципов и норм, долга, совести и других феноменов, что не позволяет свести ее лишь к эволюционному и биологическому подходу.

РАЗЛИЧИЕ И ОБЩНОСТЬ ОПЫТА ИСТОРИКА И ИСТОРИКА ФИЛОСОФИИ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ МЕНТАЛЬНОСТЕЙ: СЛУЧАЙ ЖАКА ЛЕ ГОФФА И КАРЛА ЯСПЕРСА**

Андрей Алексеевич Денисов
Санкт-Петербургский государственный университет
Студент 4-го курса Института философии
E-mail: Kinoandrey@yandex.ru

Фокусировка исследовательского взгляда это операция необходимая для того, чтобы начать исследование. Вопрос об этой фокусировке можно решать произвольно, настаивая на

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ (№ 20-011-00124 «Трансформация нравственной культуры под влиянием нейронаук»).

¹ Электронный ресурс [дата обращения 07.03.2020], URL: <https://ideanomics.ru/lectures/13269>

² Электронный ресурс [дата обращения 07.03.2020], URL: <https://ideanomics.ru/lectures/13687>

** Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ № 17-18-01440 “Антропологическое измерение истории философии”.

той предпосылке, что исследователь всегда свободен в своем исследовании. Однако свобода, понимаемая как тотальность ввиду своей негативности не способна дать ответа на вопрос о фокусировке: «Как исследователю распорядиться своей свободой, чтобы найти методологическое основание?»

На наш взгляд, в таких дисциплинах как история и история философии этот вопрос обретает особенное напряжение, избыток, производимый таким напряжением, можно обнаружить в работах о ментальности Ле Гоффа и Ясперса.

Жак Ле Гофф критикует представление о Европе как некоем «философском камне», понимаемом как идеальный сплав элементов различных народов. Ле Гофф пишет о необходимости рассмотрения «пространственно-временных структур» или ментальностей, которые подвержены прерывности. Эти структуры - не что иное как «представления средневековых мужчин и женщин», на которые и следует настроить свою фокусировку.

Карл Ясперс, развивая идею об осевом времени, также пишет о представлении, но представлении мира о самом себе, которое он обнаруживает в синхронности интеллектуальных процессов внутри главных человеческих цивилизаций древности. Тем самым он критикует релятивистское представление о ментальностях, которое на его взгляд и послужило источником бед человечества его эпохи.

Оба автора работают с ментальностями, разница в том, что Ле Гофф, к примеру, в работе «Интеллектуалы в средние века» эксплицирует их с целью показать, как почти на пустом месте возникло средневековое сословие интеллектуалов. Тем самым он обосновывает исторический способ работы с ментальностями. Ясперс же эксплицирует феномен историчности как не статичный, для того чтобы «человек, захваченный историческим потоком» не только менялся, реагируя на них, но и сам во многом определял их течение. Это на его взгляд и дает жизни человека здоровое «психическое единство, пребывающее во времени.»

Мы приходим к выводу, что исследование философии ментальностей дополняет философский дискурс, а историография ментальностей сообщает нам об условиях наступления явления, которые не детерминируют его абсолютной казуальностью. При таком способе производства и образуется тот избыток, где может быть найден позитивный способ обоснования исследовательского взгляда.

КАРЬЕРА В НАУКЕ (ЛИЧНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ)*

Игорь Сергеевич Дмитриев

Доктор химических наук,

*профессор кафедры философской антропологии и истории философии
Российский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена*

E-mail: isdmitriev@gmail.com

Наше исследование посвящено изучению начальных этапов карьерных траекторий ученых в кризисном / модернизирующемся социуме. Основное внимание было уделено следующим вопросам:

- какой тип личности ученого наилучшим/наихудшим образом отвечал социальным ограничителям, формировавшим границы его protected space?;
- какие личностные особенности ученых действующие социальные ограничители/формы контроля стимулировали, а какие подавляли в данной исторической ситуации?

Работа включала в себя три тематических блока:

I. Карьера исследователя природы в эпоху становления профессии ученого (на примере Англии второй половины XVII столетия). В качестве референтных были выбраны биографии Р. Бойля и Р. Гука.

II. Карьера ученого в России в XVIII – XIX столетиях. В качестве референтных были выбраны биографии М. В. Ломоносова и Д. И. Менделеева.

* Доклад подготовлен по результатам реализации проекта «Карьера ученого в кризисном и/или модернизируемом социуме (историко-научный аспект)», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований, Отделение гуманитарных и общественных наук, проект № 17-03-00085 – ОГН-а.

III. Немецкие ученые во времена Третьего Рейха: творческая активность и карьерный рост. В качестве референтной была выбрана биография П. Дебая.

В ходе реализации проекта на указанных исторических примерах, с использованием обширного массива источников (в том числе и архивных), было показано, что при всех индивидуальных различиях карьерных траекторий ученых, живших в кризисных и / или модернизирующихся социумах в различных странах и эпохах, личностные детерминанты их карьерных траекторий выявляют некоторую общность, а именно:

- умение дистанцироваться от окружающих (как минимум, психологически);
- умение репрезентировать свою профессиональную уникальность и незаменимость (иногда вне зависимости от реальных достижений и творческого потенциала исследователя);
- умение сделать удачный как в чисто научном, так и в карьерном и социальном аспектах тематический исследовательский выбор;
- способность отстаивать свои личные научные и жизненные интересы и приоритеты (даже, если для этого потребуются пренебречь общепринятыми моральными нормами);
- умение использовать протекционистский ресурс и, если потребуются, политическую риторику и демагогию, для возможности вести научную работу.

Детализированные результаты нашей работы изложены в следующих публикациях:

Дмитриев И. С. Чисто английская карьера (Почему английские интеллектуалы XVII века стали изучать природу?) // Социология науки и технологий, 2017. Том 8, № 4. С. 9–27;

Дмитриев И. С. Protected space человека науки: исторический аспект (карьерные траектории М. В. Ломоносова и Д. И. Менделеева) // Там же. 2018. Том 9, № 3. С. 30–50;

Дмитриев И. С. Ученые во времена Третьего рейха (карьерная траектория Питера Дебая) // Там же. 2019. Том 10, № 3. С. 7–28.

ИКОНОГРАФИЯ АНТИЧНЫХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ФИЛОСОФОВ В ХРИСТИАНСКИХ ХРАМАХ*

Марина Игоревна Антыпко

Научный сотрудник

Музей им. Андрея Рублева

E-mail: antypko@mail.ru

Марина Александровна Васильева

Кандидат философских наук, ассистент кафедры Философии

Санкт-Петербургский горный университет

E-mail: ma.vasilyeva@gmail.com

Даниил Юрьевич Дорофеев

Доктор философских наук, профессор кафедры Философии

Санкт-Петербургский горный университет

E-mail: dandorof@rambler.ru

Почти тотальная визуализация современной культуры делает проблему образа чрезвычайно актуальной как в повседневной жизни, так и для теоретических наук, философии, культурологии, искусства и искусствоведения. Стремясь максимально эффективно использовать междисциплинарный потенциал этих исследований, мы раскрываем философско-антропологический аспект визуального образа человека в перспективе его исторического генезиса, формирования и развития в православной культуре. Ведь именно Византийская империя, являясь наследнице великой древнегреческой культуры, смогла придать целостному визуальному образу не только центральное эстетическое, но и онтологическое, личностное, даже мистическое значение, что очевидно при обращении к связи Образа и Первообраза в иконе.

* Доклад подготовлен по результатам проекта РФФИ №20-011-00385а «Иконография античных и средневековых философов в православных храмах: специфика визуальной репрезентации человека в русской культуре».

Для этого мы обращаемся к исследованию иконографии античных и средневековых философов в христианских, прежде всего православных храмах. Тема эта очень мало исследована не только в России, но и в мире. Так, например, до сих нет ни одного целостного исследования иконографии античных философов в христианских (особенно православных) храмах, и для многих становится неожиданным сам факт ее наличия. А ведь античных, прежде всего древнегреческих философов можно встретить на фресках греческих церквей Афона, монастырей Больших Метеоров, Янины; ныне румынских церквей Южной Буковины; Благовещенского Собора московского Кремля, Троицкого Собора в Останкино и т.д.; отдельно стоит выделить образы этих философов на вратах Успенского Собора Москвы или Троицкого Собора Ипатьевского монастыре в Костроме. Мы хотим впервые не только максимально полно собрать визуальный материал по этой теме, но и критически исследовать его с точки зрения философской и визуальной антропологии, истории культуры и искусства. Крайне интересной и значимой предстает тема визуальной репрезентации человека вообще и философа в частности в православной и особенно русской культуре, понимание ее фундаментальных отличий от аналогичного процесса на Западе, рассмотрения связей между визуальной и нарративной образностью. Так, появление первых изображений античных философов в русских храмах, в Благовещенском Соборе сер. XVI, и их распространение в XVII в. напрямую связано с переводом и популяризацией текста «Пророчества эллинских мудрецов», благодаря которому в список церковной иконографии вошли не только Гомер, Солон, Платон, Аристотель, Плутарх, но и античные сивиллы, даже боги (Аполлон), а также иконографический образ «Древа Иессеева», представляющего родословную Христа. Все это интересно сравнить с более ранней иконографией такого рода в византийских и западноевропейских церквях, чтобы более точно и полно понять специфику визуального понимания и рассмотрения человека в этих культурах.

Отдельно стоит подчеркнуть обращение к иконографии средневековых христианских философов. Прежде всего, кажется необходимым обосновать, утвердить и ввести в научный обиход понятие «образа святого философа», аналогично тому, как существуют образы святых воинов и правителей. Действительно, такие личности, как Григорий Богослов и Августин, Максим Исповедник и Иоанн Дамаскин, Григорий Синаит и Григорий Палама и так уже давно заняли свое место в истории философии, но стоит показать, что понятия «святой» и «философ» могут быть взаимосотнесены, и эту связь следует исследовать на богатом материале их образной иконографии. Собственно история философии – это ведь не только тексты, но прежде всего сами философы, в эстетическом образе которых зачастую их философия манифестируется не меньше, а может, и больше, чем в словах их учения. Поэтому визуальная история философия – это не вторичная иллюстрация к основному содержанию, это особое понимание развития философии, человека и мира в образной (само)манифестации и репрезентации, которое, зачастую оставаясь на дорефлексивном уровне, может переходить в текст лишь в минимальном объеме. Речь не идет о том, чтобы исключить нарратив, а лишь о том, чтобы признать, что наряду с ним есть по крайней мере не меньший по значимости визуальный источник, к которому необходимо подходить с подобающим его потенциалу уважением и вниманием.

С начала XX в. происходит обращение к образу (например, в феноменологии) и его возвышение благодаря кризису языковых форм выразительности и пониманию ограниченности новоевропейской рационалистической понятийной модели; однако структурализм второй половины прошлого века в своей абсолютизации семиотического вновь подчиняет визуальный образ власти слова как знака. И вот с 90-годов XX века мы вновь видим развертывание суверенного потенциала визуального образа в разных сферах культуры и повседневной жизни (не в малой степени благодаря сетевой технологической виртуализации человеческого существования). Поэтому для нас обращение к исследованию образов античных и средневековых философов в христианских храмах не только важно само по себе, хотя и в этом аспекте оно предстает важнейшей задачей в сфере истории философии, культуры, христианства и искусства, но и как возможность актуализации фундаментальных основ визуально-антропологического понимания человека. Как нам представляется, продуктивные перспективы для развития современной философии в целом и философской антропологии в частности связаны с задействованием нового понимания эстетики, уже не ограниченной сферой произведений искусств, а, через возвращение к древнегреческому αἰσθησις,

предстающей целостной феноменологией человеческого образа, в котором визуальная составляющая является определяющей.

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ В МЕДИАСФЕРЕ*

Андрей Геннадьевич Иванов

*Доктор философских наук, заведующий кафедрой
Липецкий государственный технический университет
E-mail: agivanov2@yandex.ru*

Софья Владимировна Тихонова

*Доктор философских наук, профессор
Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
E-mail: segedasv@yandex.ru*

Выбор научной проблемы обусловлен активизацией мифотворческих процессов в современной медийной среде, когда определенная «работа мифа со временем» приводит к росту мифологизированности общественного сознания.

Несмотря на рост исследований современного мифа, его изучение продолжает оставаться значимым в связи с постоянной трансформацией форм и способов мифологизации и мифотворчества в современном мире. Ключевое значение в этой связи приобретают новые формы мифологизации социальной реальности в медийном дискурсе.

Особый интерес в данном случае представляет проблема мифологизации времени в медийной среде, исследования которой продолжают оставаться фрагментарными, выполненными в рамках широкого спектра социально-гуманитарных дисциплин, не претендующих на социально-философский анализ проблемы. Актуальность изучения мифологизации времени в медийной среде связана с тем, что до сегодняшнего дня в значительной части исследований, посвященных данному вопросу, продолжает акцентироваться внимание на отдельных модусах времени, становящихся предметом мифологизации и мифотворчества (мифы о прошлом, мифы актуальной политической и социально-экономической повестки дня, мифы о будущем). Данная точка зрения представляется методологически оправданной, но оставляет без внимания факт единства модусов времени в современном социальном мифе, где, к примеру, мифологизация прошлого предполагает некую неявную отсылку к мифам о будущем.

Возникновение и развитие мифологизированного сознания стало возможным в связи с кризисом социокультурной идентичности в постоянно изменяющемся мире, сталкивающимся с различными вызовами, характерными для цифровой эпохи. Наиболее яркое проявление данной тенденции можно наблюдать через призму новых медиа, которые представляют собой пространство, где сегодня происходят процессы создания мифологических образов, способами, доступными огромному числу интернет-пользователей. Медийное производство и тиражирование современных мифов представляет собой работу огромного числа рядовых обывателей, сделавших новые медиа и социальные сети площадкой для выражения своего мировоззрения, подверженного мифологизации. Данные процессы активно влияют на развитие ценностей современного человека, формируя новые установки, новые экзистенции и представления, в том числе и представления о времени, прошлом, настоящем и будущем.

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ (20-011-00297 «Мифологизация времени в современной медийной среде: риски трансформации, стратегии конструирования, дискурсивные практики»).

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ «ЗАБЛУЖДЕНИЯ» СПОРТСМЕНОВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ «ДВОЙНОЙ» КАРЬЕРЫ*

Наталья Леонидовна Ильина

Кандидат психологических наук, доцент факультета психологии

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: n_il@mail.ru

Целью исследования было выявить возникающие у спортсменов когнитивные искажения, мешающие успешной реализации «двойной» карьеры (спортивная деятельность и обучение в вузе). Так как у спортсменов, их родителей и тренеров было выявлено стойкое убеждение, что делать два дела одновременно хорошо не представляется возможным, была предпринята попытка найти успешных спортсменов, которым это удавалось и удается. В результате исследования, экс-спортсмены (n=56, МС), отметили, что успешная «двойная» карьера детерминирована внутренними и внешними ресурсами: «умение планировать свое время», «требовательность к себе», «уверенность в себе» и «мотивация». У действующих высококвалифицированных спортсменов-студентов (n=42, МС, МСМК) были изучены трудности, возникающие при параллельной реализации учебной и спортивной деятельности. При опознании трудностей (факторов), которые мешают спортсменам быть успешными в двух видах деятельности одновременно, действующие спортсмены практически всегда выделяли внешние факторы: организационные (нехватка времени) и территориальные (передвижение по городу). Никто из спортсменов не воспринимал трудности, как факт личной неорганизованности и плохого тайм-менеджмента.

Таким образом, можно сделать заключение о том, что фиксация внимания спортсменов на внешних трудностях/препятствиях и убеждение в том, что быть успешным мешают обстоятельства, и сформировавшаяся парадигма того, что два дела одновременно делать хорошо невозможно, приводит к тому, что спортсмены не используют имеющиеся у них ресурсы – личностные и мотивационные. При этом, было установлено, что идея о том, что быть успешным в двух видах деятельности одновременно невозможно, чаще всего формировалась у спортсменов под воздействием общественного мнения, в первую очередь значимых близких людей (родители, тренер, друзья) и практически никогда не подвергалась критическому анализу, несмотря на то, что в ближайшем окружении спортсменов, были примеры, опровергающие данную парадигму.

Полученные данные дают возможность наметить направления практической работы со спортсменами, реализующими двойную карьеру, для повышения их успешности в учебной и спортивной деятельности.

ПОБУЖДЕНИЕ К ДЕЙСТВИЮ И СУПЕРПОЗИЦИЯ АГЕНТНЫХ ОПЕРАТОРОВ: ИСТОРИЯ ОДНОЙ ИДЕИ**

Глеб Викторович Карпов

Кандидат философских наук, ассистент кафедры логики

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: g.karpov@spbu.ru

Ситуацию, когда результатом действия агента α является действие агента β , такое, что имеет место φ , можно выразить формулой $[\alpha]_?[\beta]_?\varphi$, где « $[\alpha]_?$ » и « $[\beta]_?$ » суть *некоторые* агентные операторы. Поиск интерпретации этой формулы, адекватной цели описать с ее помощью побуждающее воздействие α на β , занял продолжительное, по меркам современных логических исследований, время, и оказался нетривиальной задачей, решение которой существенно

* Выполнено в рамках гранта РФФИ, проект «Парадигмальные «заблуждения» и их влияние на культуру и общество», № 19-011-00371А.

** Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ №20-011-00485, «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием».

обогастило семантику логики действия, расширило ее возможности и, наконец, указало на то, каким образом логика действий связана с классическими модальными системами.

В [Chellas 1992] было показано, что в рамках определений семантики ветвящегося времени (BTS) невозможно найти модель для формулы $[\alpha]_a[\beta]_a\varphi$, где « $[\alpha]_a$ » и « $[\beta]_a$ » обозначают *astit*-оператор, введенный в [Belnap 1991]. Аргумент, изложенный в статье, сводится к исследованию возможных отношений моментов времени, когда α и β выбирают как поступить. Ни одно из таких отношений не удовлетворяет условиям BTS.

В [Perloff 1993] дается деонтическая трактовка побуждающего воздействия, такая, что α , своим речевым действием, порождает у β обязательство сделать так, что φ . Модели в рамках BTS для формулы $[\alpha]_aO[\beta]_a\varphi$, где O — оператор долженствования, на тот момент представлено не было. (Указанное предложение находит свое техническое воплощение в [Карпов 2015], где описываются BTS-модели для указанной формулы на основе определений O -оператора, изложенных в [Horty, Belnap 1995].)

В [Broersen 2009] на смену громоздкой BTS приходит NEXT-семантика, где момент выбора того, как поступить, совпадает с моментом, в котором истинна формула, указывающая на соответствующее действие агента. Эта особенность NEXT-семантики позволяет считать осмысленными выражения вида $[\alpha]_x[\beta]_x\varphi$, где « $[\alpha]_x$ » и « $[\beta]_x$ » суть *xstit*-операторы, определения которых, за исключением указанной особенности, повторяют определения *astit*-оператора из BTS.

В [Benthem, Pacuit 2014] предлагается использовать модельные структуры Крипке, в которых отсутствует отношение частичного порядка на множестве возможных миров, характерное и для BTS, и для NEXT-, а отношение между действиями различных агентов описывается аксиомой произведения $([\alpha]\varphi \ \& \ [\beta]\psi) \rightarrow (\varphi \& \psi)$. В этом случае оказывается несложным обнаружить модель для формул вида $[\alpha][\beta]\varphi$, где « $[\alpha]$ » и « $[\beta]$ » предстают классическими $S5$ -операторами. Вместе с тем полностью утрачивается содержательное толкование формулы $[\alpha][\beta]\varphi$ как описывающей побуждающее воздействие, так как оказывается, что $[\alpha][\beta]\varphi \leftrightarrow [\beta][\alpha]\varphi \leftrightarrow \text{Sett}\varphi$, где «*Sett*» универсальная модальность, устанавливающая истинность формулы в каждом возможном мире некоторой модели.

Из трех семантик логики действий, предложенных за последние два десятилетия, самой многообещающей в контексте возможностей описания воздействия агентов друг на друга, следует признать NEXT-семантику.

Литература

1. Belnap 1991 — *Belnap N.* Backwards and forwards in the modal logic of agency // *Philosophy and phenomenological research.* 1991. pp. 777–807.
2. Benthem, Pacuit 2014 — *Benthem J. van, Pacuit E.* Connecting logics of choice and change // *Nuel Belnap on Indeterminism and Free Action.* Springer, 2014. pp. 291-314.
3. Broersen 2009 — *Broersen J.* A complete stit logic for knowledge and action, and some of its applications // *Declarative Agent Languages and Technologies VI.* Springer, 2009. pp. 47–59.
4. Chellas 1992 — *Chellas B.* Time and modality in the logic of agency // *Studia Logica.* 1992. Vol. 51. No 3-4. pp. 485–517,
5. Horty, Belnap 1995 — *Horty J., Belnap N.* The deliberative stit: A study of action, omission, ability, and obligation // *Journal of philosophical logic.* 1995. Vol. 24. No 6. pp. 583–644.
6. Карпов 2015 — рукопись *What Ought to be Done for Imperative Logic.*

ЭТИКА ФРОНТИРА: ЯЗЫК ЗОНЫ ОБМЕНА*

Лариса Павловна Киященко

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: larisakiyashchenko@gmail.com

Предпринята попытка применить модель фронта для рассмотрения становления языка зоны обмена проблемно-ориентированного междисциплинарного исследования. Необходимым компонентом и стабилизирующим фактором последнего является институционализация коммуникативных отношений, отраженных в этосе становления инновационного направления исследовательской группы. Ядро напряжения конфликтного взаимодействия традиционных и инновационных течений в междисциплинарном исследовании вынуждает внимательно отслеживать становление категориально- методологического инструментария и его приложения в дискурсивной практике с учетом границ локального места и времени действия. Высказанные предположения будут рассмотрены применительно к языку становления зоны обмена во вспомогательных репродуктивных технологиях (ВРТ).

АНАЛИЗ ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ЭКСПЕРТИЗ В РЕШЕНИЯ ЭТИЧЕСКИХ И БИОЭТИЧЕСКИХ ДИЛЕММ**

Татьяна Викторовна Ковалева

Доцент кафедры этики института философии

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: trandafir@yandex.ru

В социальной системе и культуре всегда возникают деформации, которые стремятся изменить функционирование существующих в них форм и внести определенные изменения. Любое общество стремится к социальному порядку, поэтому у него всегда есть потребность в оценке последствий данных деформаций по средствам проведения экспертами необходимой экспертизы.

Экспертиза в науке, как и в любой профессиональной сфере или в определенном социальном пространстве является необходимой исследовательско-карательной частью нормативной системы. Среди гуманитарных технологий можно выделить несколько видов экспертиз – социогуманитарную, моральную, гуманитарную и этическую. Поскольку систематизация данных технологий еще не до конца устоялась, то возможны ошибки в понимании назначения каждой из этих экспертиз, путаница в терминологии и т.д. Данный доклад призван четко разграничить сферы их применения, назначения и возможность их использования.

Например, **Социогуманитарная экспертиза** направлена на управление наукой и научными учреждениями в решении социальных задач, как форма социального управления. Она должна стать «мостом» между наукой и обществом. Благодаря ей разрабатываются методики, позволяющие внедрять научные достижения, минимизируя этическую напряженность из-за коммерциализации науки.

Моральная экспертиза может быть достаточно эффективна при регулировании жизни отдельных закрытых групп, в которых основные принципы и правила поведения заранее оговорены и закреплены в моральных кодексах и иных нормативных документах.

Гуманитарная экспертиза позволят мировому сообществу правильно распоряжаться результатами научно-технического прогресса в преодолении современных моральных дилемм, как контроль над самим собой. Проблемы абортов, эвтаназии, генной инженерии и пр. могут исследоваться с помощью гуманитарной экспертизы, однако подобное изучение должно носить глобальный характер и затрагивать интересы всего человечества. **Этическая экспертиза**

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ «Философские аспекты трансфера знаний и практик в системе наука-общество (пример вспомогательных репродуктивных технологий) №18-011-01082.

** Доклад подготовлен в рамках гранта РФФИ - 18-011-00673 «Методология этической экспертизы в сфере культуры».

применяется на микроуровне в рамках узкоспециализированных и общих принципов профессиональной этики. В большинстве своем она необходима для этико-ориентированных направлений: врачей, психологов, журналистов, спасателей, пожарных и т.д. Наиболее наглядным примером многоплановости применения этической экспертизы является медицина. Этическая экспертиза используется для анализа биоэтических прикладных микропроблем, таких как аборт, эвтаназия, евгеника, клонирование и пр. в масштабе страны, регионов или областей.

Таким образом, данный доклад призван раскрыть проблемы в применении вышеперечисленных экспертиз достаточно много: от решения межличностных конфликтов до затруднения с терминологической базой.

ДОПОЛНЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕХНОЛОГИИ, РЕАЛИЗУЮЩЕЙ ВОСПРИЯТИЕ, РАСПОЗНАВАНИЕ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ, АКУСТИЧЕСКИХ И ДР. ОБРАЗОВ СЛОЖНЫХ ДИНАМИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ*

Анна Юрьевна Коловская

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Сибирский Федеральный Университет
E-mail: kolovsky@ya.ru*

Юрий Васильевич Коловский

*Кандидат технических наук, профессор кафедры инфокоммуникаций
Сибирский Федеральный Университет
E-mail: kolovskiuv@gmail.com*

Стратегическая цель современной цивилизации — включить технологии коммуникации в естественный ресурсооборот на основе развития конвергенции мультидисциплинарных (конвергентных) научных направлений, объединяющей неклассическую философию познания, нейронауки, когнитивную психологию, педагогику, философию образования. Такая конвергенция необходима не только между различными социальными системами, но и с точки зрения взаимодействия технических и социальных систем друг с другом.

Эффективность технических систем (ТС) определяется применяемыми материалами, проектными решениями и технологиями. В космической отрасли, эффективность это — и увеличение времени активного существования, и надежность, и отказоустойчивость, и крупногабаритные трансформируемые конструкции, энергетических, информационных, телекоммуникационных и антенных ТС и многие другие свойства подсистем космического аппарата (КА). При проектировании и изготовлении КА, рамках современного технологического уклада, качество и эффективность функционирования, обеспечивается внедрением CALS-технологий, в том числе, моделированием, диагностикой технического состояния, испытаниями, последующей обработкой и накоплением информации о ТС, что позволяет в период активного существования, широко использовать адаптивное управление КА. Расширяется круг, внедряемых в практику, технических решений, использующих элементы «систем искусственного интеллекта». В первую очередь это информационные технологии, реализующие восприятие, распознавание и идентификация визуальных, акустических и др. образов сложных динамических объектов. Подобные системы на основе фрагментарной и нечёткой информации, поступающей от мультисенсорных (матричных) источников, при быстро изменяющихся внешних и внутренних условиях, в реальном масштабе времени обеспечивают мониторинг, диагностику технического состояния, прогнозирование ключевых «выходных» характеристик КА и управление ими.

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ Функциональная диагностика и управление крупногабаритными конструкциями и оболочками: № 06-08-01343 и Когнитивные технологии – методологический базис преодоления сложности в инженерных науках / Экспансия / №20-18-50218\2020

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ*

Александр Николаевич Колосков

*Кандидат философских наук, доцент кафедры русской философии и культуры
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: alexnikoloskov@yandex.ru*

Образовательная система всегда находилась на стыке классических устоев общества и самых современных технологических процессов. Как ни странно, обе эти грани обеспечивают актуальность самого процесса обучения, но делают это совершенно различными способами. Традиционная составляющая образовательной модели позволяет субъекту проходить базовую культурную авторизацию. Технологическая составляющая во многом предопределяет цель процесса обучения. В результате, обе стороны процесса позволяют развернуть процесс социализации и интегрировать обучающегося в современную культуру.

Отличительной чертой современного образования является имманентная дигитализация процесса обучения. Процесс социализации меняется вместе с внедрением в образовательный процесс цифровых технологий по запросу времени. Дигитализованность образования становится запросом общества, новые члены которого уже не готовы и не способны воспринимать то качество и количество информации, получаемое посредством старых и «остаточных» медиа. Следовательно, в процесс преподавания и воспитания вовлекаются новые цифровые технологии, формирующие новые интерактивные методики образования. Причинно-следственная цепь, состоящая из запроса на них, внедрения их в общий процесс и проявления первых результатов в настоящий момент истории завершена. Классическая односторонняя модель трансляции знания «учитель-ученик» не является единственно возможной, а целью образования более не является подготовка кадров как механизма сложных социальных систем.

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ОТ ПОЭТИКИ К ЭТИКЕ**

Екатерина Борисовна Крюкова

*Кандидат философских наук, старший научный сотрудник
СИ РАН
E-mail: kriukova.jr@yandex.ru*

Когда Людвиг Витгенштейн вынес сферу этического за пределы мира и языка, он тем самым вовсе не собирался упразднить ее. Напротив, он хотел подчеркнуть, что самые важные для человека вопросы нравственного порядка не поддаются выражению в чеканных формулах однозначных высказываний. Однако тот же самый Витгенштейн утверждал, что единственная возможность задать границы практической философии реализуема лишь в пределах языка. Литература эпохи модерна может рассматриваться в этом контексте как лаборатория, в которой невидимые и непреодолимые границы языка становятся ощутимыми и едва ли не зримыми. Аналитическая философия занимается исследованием вопроса о способе правильной артикуляции моральных высказываний. Но из поля ее внимания практически выпадает поэтическая речь как нелогичный способ построения дискурса. Выворачивание языка и нарушение строгих законов рассудочных умозаключений противится аналитическим процедурам современной мысли. С другой стороны, здесь может быть обнаружен значительный ресурс для формирования новой этической парадигмы, сфокусированной уже не на том, чтобы четко сформулировать моральные правила, а на том, чтобы показать с помощью языка в его пограничных проявлениях их экзистенциальную насущность. Изящная словесность, всегда чутко реагирующая на актуальные запросы времени, может выступить здесь в роли проводника и помочь при конструировании новой этики. Ибо в XX в. литература проявила себя

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ № 20-013-00865 («Социокультурная функция образования в России: философская аналитика»), 2020-2023 / The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research project № 20-013-00865.

** Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ (№ 19-311-60010 «Этическое измерение языка: современная литература как способ подступиться к границам высказываемого»).

как пространство свободного, ничем не скованного высказывания, реализующегося в перспективе максимально доверительного отношения не к тем или иным идеям и убеждениям, а к самой форме своего осуществления – к языку. В отличие от рационально-дискурсивного мышления, силищегося выразить нравственные принципы в позитивных формулах, поэтическое слово в обход логики нащупывает возможности артикулировать моральные истины, вплотную подступаясь к самым границам языка.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ РАЦИОНАЛИЗМА*

Иван Владиленович Кузин

Доктор философских наук, доцент Института философии

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: iaffet@mail.ru

Начавшиеся со второй половины XIX в. дискуссии о возможностях, (предотвращающих прежнюю тотализацию) «спасения» субъекта классической рациональности, казалось бы, к XXI в. потеряли свою актуальность. Это можно связать, во-первых, с установлением в XX в. безоговорочного господства в интеллектуальной сфере научного дискурса (формально и честно не имеющего претензий на всеобщность, хотя по факту ставшего доминирующей стратегией осмысления мира), во-вторых, с диаметрально противоположными этому тенденциями в эпоху постмодерна, демонстрирующими неприятие и непризнание каких бы то ни было авторитетных инстанций, обладающих законодательной силой по отношению к эмпирическому субъекту (будь то на уровне практических действий или подходов к описанию жизни).

Вместе с тем о проблеме возможной совместимости прежнего классического субъекта с его неклассическими формами преобразования стоит продолжать разговор. Классическая рациональность во многом стала утрачивать свои былые позиции из-за ограничения себя собственной рефлексивной атрибутикой, которая преимущественно и воспроизводится в научном дискурсе. Разрыв с экзистенциальной интегральностью жизни, что все же не было столь характерно для «субъектов» Декарта, Лейбница и Канта, обращает нас к необходимости обнаружения в трансцендентальном субъекте тех экзистенциальных аспектов, которые позволяют ему оставаться адекватным самой жизни. Деконструкция рационализма в этом контексте будет означать предотвращение его редукции к познавательным функциям.

Тем не менее ни одно из интеллектуальных предприятий по возврату познающему субъекту его экзистенциального измерения до сих пор не увенчалось подлинным успехом. Поэтому предмет современной философии может быть определен поиском таких стратегий, благодаря которым, во-первых, трансцендентальное измерение субъектности не было бы полностью девальвировано, а во-вторых, чтобы эта субъектность могла мыслиться в связи с богатым экзистенциальным содержанием жизни, а не только представляться в режиме созерцательной безучастности к ней. В этой связи у философии появляется шанс, если не вернуть, то хотя бы приблизиться к «царскому месту», избавившись от предписанной ей роли служанки науки. Экзистенциализм обновления имеет две стороны плана имманенции – мысль и природу, поэтому при сотворении концепта трансцендентальный субъект может поместить себя в экзистенциальном перекрестье множественности человеческих встреч и социальных движений.

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ (грант № 19-011-00371 А, «Парадигмальные "заблуждения" и их влияние на культуру и общество»).

ЭРНЕСТ ЛЕОПОЛЬДОВИЧ РАДЛОВ КАК ИСТОРИК РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ*

Виктор Александрович Куприянов

Кандидат философских наук, научный сотрудник

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники

им. С. И. Вавилова РАН

E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Начало XX в. отмечено ростом интереса к истории русской философской мысли. В этот период появились значимые труды по истории русской философии, принадлежащие перу Б.В. Яковенко, Г.Г. Шпета, А.И. Введенского, а позже Д.И. Чижевского, Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского и В.В. Зеньковского. К числу важных авторов-историков русской философии относится и петербургский философ Эрнест Леопольдович Радлов (1854–1928), прошедший историко-философскую школу у М.И. Владиславлева, а затем у Э. Целлера. Анализ трудов Э.Л. Радлова позволяет заключить, что основу его научного наследия составляют именно работы по истории философии. С его научной деятельностью можно связывать важный этап в профессионализации истории философии в России. Радлов занимался как историей западной философии, так и историей отечественной философской мысли. Причем если в сфере истории западноевропейской философии его интерес фокусировался на древнегреческой мысли (особенно важны его работы по античной этике и в особенности об Аристотеле, «Никомахову Этику» которого он опубликовал в русском переводе в 1884 г.), то исследования Радлова по истории русской философии центрируются XIX столетием. Помимо известного «Очерка истории русской философии», Радлов оставил статьи о А.И. Галиче, П.Л. Лаврове, М.И. Каринском, А.С. Хомякове, К.М. Бэре и, конечно, о В.С. Соловьеве, которого он считал своим духовным наставником и другом. В рукописях остались его очерки по истории русской риторики, а также один из главных его трудов по истории русской философии – обстоятельный очерк по истории русской эстетики. О В. С. Соловьеве Радлов написал одну из первых монографией (1913 г.), ставшей теперь классикой историографии истории русской философии; одним из главных дел жизни стало для Радлова издание собрания сочинений Соловьева. Радлов один из первых обозначил ставший сегодня общепринятым канон истории развития философии в России в XVIII–XIX вв. Отсутствие исследований о творчестве Радлова – пробел в историографии истории русской философии. Изучение историко-философского творчества Радлова составляет важную задачу современной истории философии.

ЭЛИМИНАЦИЯ АРГУМЕНТОВ КАРНАПА ПРОТИВ ХАЙДЕГГЕРА С ПОМОЩЬЮ ФОРМАЛЬНОГО АНАЛИЗА ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА**

Петр Сергеевич Куслий

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: kusliy@iph.ras.ru

Екатерина Васильевна Вострикова

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: katerina-vos@mail.ru

Критика философии М. Хайдеггера, представленная Р.Карнапом в известной статье 1931 г. «Преодоление метафизики логическим анализом языка», до сих пор является весьма влиятельной. К ней, например, апеллируют многие защитники так называемой «аналитической» философии в своих спорах с представителями «континентальной» философии. Важным пунктом критика Карнапа является указание на то, что Хайдеггер

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ (№ 20-011-00071 «Университетская философия в Санкт-Петербурге: опыт просопографического исследования»).

** Подготовлено при поддержке РФФИ, проект № 17–29–09178 офи_м «Анализ языка и междисциплинарность».

осуществляет ошибку, используя кванторное слово «ничто» как если бы оно было обозначающим единичным термином. Результатом этой ошибки является некорректное употребление языка и неспособность сформулировать какое-либо утверждение. Причиной этому, по Карнапу, является структурная непроясненность естественного языка, которая должна быть полностью элиминирована в строгом языке науки.

Мы обращаемся к сформулированной Карнапом критике и предлагаем прямое возражение на нее. С опорой на эмпирические данные, взятые из русского языка (конкретно: феномен отрицательного конкорда) мы показываем, что неквантифицированное использование термина «ничто» возможно в естественном языке и, вопреки утверждению Карнапа, не является завуалированным бессодержательным утверждением. Тем самым, мы показываем, что, независимо от содержания высказанных Хайдеггером мыслей, его нельзя упрекнуть в структурной бессвязности формулировок.

В рамках более общего обсуждения данного результата мы защищаем тезис о том, что формальный анализ естественного языка не может прояснить вопрос о том, является ли метафизика бессмысленной, ибо этот основным предметом этого анализа являются функциональные, а не содержательные, термины языка. Вопрос о значении тех или иных содержательных слов разрешается в контексте их употребления. Если носители того или иного языка воспринимают конкретное предложение как осмысленное, то задача логического анализа языка заключается в том, чтобы показать, каким образом это значение может быть сгенерировано в данном языке. Иными словами, формальный анализ языка должен выявить те механизмы, которые задействованы в конкретном языке для выражения того или иного смысла тем или иным предложением, а не критиковать соответствующий язык как структурно ущербный.

Мы также рассмотрим вопрос о том, в какой мере естественный язык чувствителен к логически некорректным утверждениям и, с опорой на работы Дж.Гаевского, покажем, что, вопреки утверждениям Карнапа, грамматика естественного языка чувствительна к противоречиям (и тавтологиям).

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК (ОБ)ОСНОВАНИЕ И СЛЕПОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НА ЗЕМЛЕ ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ*

Владимир Александрович Кутырев

Доктор философских наук, профессор

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

E-mail: kut.va@mail.ru

Начало конца метафизической философии справедливо связывают с Кантом. Метафизика имеет дело с предметной или духовной реальностью, которую он «заклучил в скобки», объявив «вещью в себе». Постулирование чистого, внеопытного разума было переходом человеческого духа из единственной, генетически адекватной ему реальности в возможные миры. Это его субстанциальный отлёт» от природы. «Ибо те, кто исследует одни лишь явления природы, всегда остаются одинаково далеки от глубокого понимания первых причин этих явлений и столь же мало способны достигнуть когда-нибудь познания самой природы тел, как те, кто, подымаясь в гору всё выше и выше, стал бы убеждать себя в том, что, в конце концов, они коснутся рукой неба» [1, с.137].

Специфика трансцендентального философствования в выходе за пределы системы земля-небо, в рамках которой существовала и которую отражала метафизика. *Преодолев земное притяжение, человеческий дух, вселившись в голову Канта как в космический корабль и используя его хилое тело как ракету, вышел в Космос.* В возможные миры. Детерриториализовался [2, с. 15]. Вместо предметного бытия = от бытия остаются пространство и время. Существующие а-приорно и аподиктически. Вечно и бесконечно. В сущности, в таком случае мы должны говорить не об «о-сознании» реальности,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00335.

а «мышлении-самом-в-себе». Кант преодолел, «отбросил» Дух и даже Сознание, которые неразрывно связаны с человеческой телесностью и оставил от них только *Мысль, Интеллект* = «*Чистый Разум*», сферу логики и дедукции, в конечном счёте, постжизненного количественно-топологического моделирования чего угодно. Но абсолютным максимумом возможностей обладает Ничто. *Трансцендентализм – это то, что относится к Ничто, из которого возникает Всё.*

Преодолев земное притяжение слова-логоса, Кант вывел мышление в априорный чистый космос, в силу чего его можно считать *первым представителем нигитологии как креативного меонизма, т.е.*(об)основателем цифровизации и дигитализма как субстанции техногенного мира, сначала информатики, а потом, на ее основе, Искусственного интеллекта. Будет справедливо считать, что только его трансцендентализм, преодолевая бытие в пользу чистого разума, подвел настоящую философскую базу под математизацию мира и в этом качестве он прародитель, дедушка ИИ.

Кант, однако, не был до конца последовательным в «очищении» знания от предметного содержания, поскольку сохранил пресловутую «вещь в себе». Но, к(не)счастью, эстафета борьбы за уничтожение духовного и предметно-чувственного мира как «естественной установки» (через головы Гегеля, Маркса, оставшихся «при бытии», т.е. метафизиками, т.е. не доросшими до у(вы)хода в транс имманентистами) была принята следующим великим представителем трансцендентализма Э. Гуссерлем. Он решил проблему «вещи в себе» путём превращения ее в атрибутивное качество сознания. Вместо поиска объективного, «аффицирующего» нас референта – интенциональность. Вот пункт окончательного поворота философствования от метафизики и даже трансцендентального идеализма к трансцендентальной феноменологии.

В попытке создания строгой и точной философии, Гуссерль, опираясь на принцип интенциональности, отказался от разделения апостериорного и априорного знания, что позволило ему отказаться от «естественной установки» предметного мира и посредством трансцендентально-феноменологической редукции смоделировать бытие в виде качественно одинаковых и количественно соизмеримых нозм = вещей сознания = мысленных вещей. Вещи сознания, говоря современным языком – это сочетания бит информации. В спекулятивной форме он фактически выразил основные положения информационной теории, так как трансцендентально-когнитивное моделирование превращает все сущее в количество. Дальнейшее соотнесение категорий Гуссерля с понятийным аппаратом информатизма, позволяет по-иному выразить, «осовременить» и понять его философские идеи. Так, на место «интенционального переплетения» или интересубъективности, приходят понятия коммутации и коммуникации. Место монад занимает агент или актор, а Перво-монады – Программатрица, как и много других понятий, которые позднее появятся в постмодернизме. Таким образом, трансцендентальная феноменология предстает как философия информационно-коммуникативной революции и предтеча эпохи постмодерна. Подобная обновленная терминология позволяет легко спроецировать абстрактно-теоретические построения этой философии на актуальное состояние человеческой культуры. Превращение сущего в количество в итоге ведет к отрицанию технаукой человека и его жизненного мира. Последнее обстоятельство позволяет говорить о Гуссерле не только как о первом идеологе эпохи постмодерна, но и одновременно, на позднем этапе его развития, как о критике данной идеологии. Э. Гуссерль – первый философ, совершивший бросок в XXI век. Великий провозвестник и создатель Смерти человечества, его замены искусственными формами сущего. Знал он об этом или не знал, хотел он этого или не хотел, но нам, на практике вступающим в Четвертую промышленную революцию по замене людей техникой во всех сферах жизни - теперь виднее. Гуссерль – гени(т)альный отец искусственного интеллекта.

Но ребенок был еще только за(на)чат. Над его вынашиванием пришлось много потрудиться – отказаться от принципа тождества, заменив его принципом различия, что совершил Жиль Делёз. «Необходимо, чтобы вещь не была тождественной, но была бы разорвана различием, в котором угасает тождество объекта, увиденного как видящийся объект. Необходимо, чтобы различие превратилось в стихию, высшее единство, чтобы оно отсылало к другим различиям, которые вовсе не отождествляют, но дифференцируют его» [3, с. 7].

Столь высокая оценка в постмодернистской философии Различия, оправдана. Оно ее заслужило, ибо переход от тождества к различию есть переход от вещей к отношениям, структуре, в конечном счете, к информации. В отличие от диалектики и синергетики,

где утверждалось, что находящееся в потоке и процессе пространственно-протяжённое сущее, тоже саморазвивается, в *автоматической информационно-динамической парадигме программирования* это объяснение «безвещное», формализованное, количественное, техноцентричное. В ней трансцендентальный априоризм фундирован положением, что универсум создается, по-Рождая «из хаосмоса» опять бытие, однако уже путем чистых различий. *Новационную* (по отношению к «миру № 1») *реальность других возможных миров*. В теоретически превращенной форме эти процессы возникновения на Земле постчеловеческой, целиком искусственной реальности отразились в рамках грамматики (Ж. Деррида), онтологии мыследеятельности, а потом мыслекоммуникации (Г.П. Щедровицкий) и спекулятивного реализма (К.Мейясу). «Механизмом» их действительного осуществления становятся Hi-Tech, нано и биотехнологии. В гуманитарной проекции этот процесс идет от человека как субъекта и личности через его превращение в человеческий фактор и когнитивную роботизацию = зомбизацию к идеям human enhancement и трансгуманизму. Вплоть до создания на кремниевой или композитной, но «бессмертной» основе интеллектуальных технических Комплексов (робот), или в виде универсальной, покрывающей всю Землю мировой решетки. Философски возникновение реальности без субъекта и даже без живой природы отражается в постулировании некой ООО (объектно ориентированной онтологии).

Итак, передовой отряд человечества вступил в эпоху трансмодерна, завершением которой будет (объявлена) «сингулярная технологическая революция». Другими словами, его собственное отрицание, антропологическая катастрофа. Чтобы лучше все запутать, «исход из человека» парадоксальным образом определяется как наступление эпохи антропоцена (по названию вроде бы человека), но, содержательно уточняется, что «она без антропоморфного носителя» (Б. Латур). Практически отказавшись от идеи свободы, живущие под лозунгом «прогресс не остановишь» современные люди начали культивировать отказ от истины как выражение потребности в непонимании того, что делается. В контексте начавшейся экспансии искусственного интеллекта Homo sapiens превращается в своего рода ментального робота – Homo dementia. Это состояние Mortido (влечения к небытию), ситуация вялотекущего (пока) *Самоапокалипсиса*[4]. Но которого люди не замечают, и мы не будем знать, когда нас не будет. Все про-изойдет/про(ис)ходит в форме эвтаназии.

Такова принципиальная схема борьбы трансцендентально-когнитивного Интеллекта с трансцендентно-вещным Бытием как Actus hominis contra humanus (Деяний человека против человеческого).

Литература

1. *Кутырев В.А.* Когнитивный мир и его исторические предпосылки / *Философия науки*. 2012. № 1 (52). С. 3-25.
2. *Кант И.* Сочинения в шести томах. Т.3. М., 1964. 799 с.
3. *Делез Ж.* Различие и повторение. СПб., 1998. 384 с.
4. *Кутырев В.А.* Сова Минервы вылетает в сумерки. СПб., 2018. 526 с.

ТЕХНИКА КАК ЭЛЕМЕНТ ЖИЗНИ КЛАСТЕРНОГО СООБЩЕСТВА: ПОПЫТКА РЕФЛЕКСИИ*

Никита Олегович Ноговицын

*Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии,
философии культуры и эстетики
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: n.nogovitsyn@spbu.ru*

* Исследование профинансировано Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) в соответствии с исследовательским проектом № 18-011-00977 («Кластерная культура: исследовательские стратегии и философская аналитика») / The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research project № 18-011-00977

Изучение повседневности всегда представляло определенную трудность для исторического знания. Основная методология описание ежедневной жизни была проработана во второй половине XX века такими историками социологами, как М. Блок, Л. Февр, М. де Серто, П. Бурдьё и Д. Блазиус.

В конце XX века, под воздействием изменений в сфере коммуникации и развития технологий, в европейской культуре появился принципиально новый тип сообществ – кластерные сообщества. Данная форма организации предполагает трансформацию или модификацию в сфере методологии изучения и описания форм устройства жизни.

Само понятие кластера было введено в научный оборот английским социологом и экономистом Майклом Портером в работе «Международная конкуренция». В этом исследовании Портер описывал механизмы выделения и формирования конкурентных преимуществ на макроуровнях. Он показал, что на подобном масштабе речь идет о конкуренции не на уровне отдельного продукта, но о сложном соотношении целой суммы различных преимуществ, выстраивающейся в группе взаимосвязанных компаний и отраслей, сосредоточенных на одной территории. Механизм, благодаря которому, различные отрасли и сообщества могут объединиться в одно целое, Портер назвал «кластером». Кластер как способ выстраивание отношений дает серьезное преимущество для отрасли, так как обеспечивает «*быструю диффузию лучших практик*» [Porter, 1990].

С учетом постоянно растущих скоростей и объемов коммуникаций, мы можем констатировать, что кластерные сообщества – один из наиболее вероятных принципов устройства многих сообществ и культур. Это означает, что в рамках исторической науки неизбежно должно быть выработаны методы изучения данного типа сообществ.

Проблема заключается в том, что кластерные сообщества являются по определению децентрализованными. Это порождает целую серию проблем при их изучении.

Например, любая попытка периодизации сталкивается с функциональной сложностью изучаемых объектов, которая не дает возможности выделить какой-либо один (или хотя бы несколько) наиболее существенных критериев, с помощью которых можно было бы выделить базовые периоды. Аналогичным образом затруднена любая типологизация, как и многие другие методы исторического исследования.

В докладе будут выделены основные трудности, возникающие при изучении кластерных сообществ, намечены возможные пути решения этих проблем.

РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ НЕЙРОНАУК В СПОРЕ П.СИНГЕРА С ЭТИЧЕСКИМ ИНТУИТИВИЗМОМ*

Игорь Юрьевич Ларионов

*Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры этики
Санкт-Петербургский Государственный Университет*

E-mail: i.larionov@spbu.ru

Развитие и распространение новых цифровых технологий придает особую остроту конфликту между разнообразием нравственных ценностей современного человечества и философских стратегий прояснения этого многообразия. Отдельной проблемой остается отсутствие надежных данных для построения нейронауками такой модели человеческого сознания, которая смогла бы обосновать тезис о т.н. «ненужности философии» ([Professional] Philosophy's Irrelevance Problem). Основные категории, оказавшиеся в центре данного клубка противоречий: личность и свобода.

Выдающийся современный философ Питер Сингер (P.Singer) предлагает следующие принципы для разрешения указанных проблем: Философия никогда не основывается на ложных представлениях о действительности. Философия не выдвигает контринтуитивных положений, она подвергает критике обыденные моральные интуиции. Одной из основ для этой критики выступают данные естественных наук. Во все эпохи своей истории философия успешно справлялась с критикой и опровержением обыденных, мифологических и т.п.

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ №20-011-00124 А «Трансформация нравственной культуры под влиянием нейронаук»

предрассудков относительно человеческой природы и общества; однако только сейчас философы могут располагать необходимыми знаниями для построения позитивной и релевантной теории.

Как представитель утилитаризма П.Сингер сосредотачивается на критике этического интуитивизма. Он обращается к различию спонтанных реакций при принятии решения в вариантах т.н. дилеммы вагонетки. Поскольку исследования не обнаруживают существенного различия в нейрофизиологической составляющей данных реакций, следует сделать вывод, что субъективное восприятие этого различия не имеет смысла. Следовательно, этика не может делать основанием для построения нормативной теории какие-либо моральные интуиции, возникающие в рамках подобных мыслительных экспериментов. Более того, Сингер полагает, что само это различие интуитивных реакций является результатом эволюции человека. Принципы нормативной этики, сформулированные для стандартных ситуаций, в которых оказывались наши предки, нельзя применять в современном стремительно развивающемся мире. Надежные основания дадут сила разума современного человека (our current powers of reasoning) и новые данные нейронаук.

ЦИФРОВАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ, АНТРОПОЛОГО-АКСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ*

*Татьяна Геннадьевна Лешкевич
Доктор философских наук, профессор
Южный федеральный университет
E-mail: Leshkevicht@mail.ru*

Целью исследования является анализ цифровой детерминации и обусловленных ею трансформаций смысложизненной рефлексии. Рассматриваются четыре группы проблем. Анализ первой - онтологической проекции цифровой детерминации приводит к следующим выводам. Дигитальный мир генерирует новый тип сетевой онтологии, для которой не свойственна монокаузальность, но присуща многоплановость производных версий реальности, а также произвольное обращение со свойствами «стандартного времени» и его необратимостью. Сетевые взаимодействия, позиционируя себя как самодостаточный тип бытия, замещающий реальные связи и отношения симулятивными аналогами, порождают феномен цифрового отчуждения. Глубина цифрового отчуждения зависит от степени «сращенности» жизненного мира с виртуальной средой.

Вторая группа проблем связана с изучением специфики цифровой детерминации в контексте антропологических трансформаций. Здесь очевидным эффектом является генерирование нового вида социальности - социальности Сети, образующей «невидимые связи» между людьми и продуцирующей новые формы сетевой коллективной субъектности, как например, краудсорсинг и ноосорсинг. Фиксируется феномен «многозадачности», характеризуемый психологической готовностью индивида переключаться с одного вида сетевой деятельности на другой, совмещать профессиональную занятость с «потреблением» разномастного контента. Третья группа проблем указывает на обусловленный цифровой детерминацией аксиологический сдвиг, который обнаруживает зависимость смысложизненных ориентиров человека от ценностей и значений «дигитального мира». Среди них: ценность «сетевого следа», «цифрового имиджа», вариативной идентификации, «цифровых навыков», «сетевого успеха», количества подписчиков и «лайков» и пр. Тем самым происходит перенос целей самореализации в виртуальное пространство. Так называемые, «просмотрщики контента», настроенные на получение немедленной реакции на возникший запрос, намечают новую траекторию персоногенеза.

Четвертая группа проблем нацеливает на анализ цифровой детерминации теоретико-методологической сферы, которая осуществляет поворот научных практик к исследованиям в сторону «даннофикации», т.е. управления данными, и выявляет тенденцию, ведущую

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-011-00298А «Цифровая детерминация и трансформации смысложизненной рефлексии».

к «диктатуре» Больших данных. Это формирует запрос на новый тип субъектности – «data scientist» – интерпретатор Больших данных. Возникает специфический тип рациональности, опирающейся на использование готовых информационных ресурсов, заимствование и компиляцию информации. Эффект «аренды знания» свидетельствует о несоответствии высокой цифровой компетентности молодой генерации и ее отставания в освоении понятийного культурообразующего наследия. Запрос на интенсивное совершенствование «цифровых навыков» в своих долгосрочных последствиях чреват разрушением рефлексивно понятийного способа освоения мира.

КОМПЛАЕНС ПАЦИЕНТА VS ПРАВО НА ОТКАЗ ОТ ЛЕЧЕНИЯ В МЕДИЦИНСКОЙ РИТОРИКЕ ОРТОПЕДА**

Елена Николаевна Лисанюк

*Доктор философских наук, профессор кафедры логики
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: e.lisanuk@spbu.ru*

Николай Михайлович Воеводин

*Соискатель
Новосибирский государственный медицинский университет
Заведующий отделением ГБУЗ Купинская
Центральная Районная Больница
E-mail: nmvoevodin@mail.ru*

Доклад содержит рекомендации по включению в медицинскую риторику ортопеда утилитарного и консеквенциалистского подходов, наряду с применяемым деонтологическим подходом. Рекомендации сформулированы с учетом исследования 521 сельских жителей Купинского района Новосибирской области в возрасте 55 -92 лет и учитывают особенности «народной психологии» и обыденного критического мышления в «третьем возрасте». Исследование показало, что негативным фактором обращаемости лиц пожилого и преклонного возраста за стоматологической помощью является низкий комплаенс на индивидуальном уровне и в обществе в целом. Среди распространенных причин отказа пациентов от льготной стоматологической помощи – незнание ее позитивных последствий для повышения качества жизни и отсутствие стремления его повышать («зачем нам зубы, мы скоро умрем»). Стремление врача повлиять на мотивацию пациента ограничено правом последнего на отказ от лечения, что относится к ключевым принципам медицинской деонтологии и является неотъемлемой частью медицинской риторики, нацеленной изменить патернализм в отношениях врача и пациента на партнерский подход.

Предлагается включить в медицинскую риторику врача стоматолога-ортопеда доводы, апеллирующие к пользе пациента и общества в средне- и долгосрочной перспективе, а также к позитивным последствиям лечения и негативным последствиям отказа от него, и адресовать их трем группам: пациентам с целью мотивировать их к поддержанию оптимального состояния полости рта, особенно в пожилом и старческом возрасте, к врачебной корпорации и обществу в целом - с целью санитарного просвещения и повышения медицинской культуры. Опорными элементами делибераций с обществом и с пациентом могут быть относительное качество жизни в контексте благополучия в «третьем возрасте», позитивные социальные и эмоционально-психологические последствия стоматологической и ортодонтической помощи, а также факт включения в список болезней зубочелюстных аномалий, способных провоцировать заболевания разной этиологии, включая сосудистые и онкологические. В обследуемой группе распространенность кариеса зубов составила 100%, средний показатель индекса КПУ составил – 26,9 (у мужчин - 28,59 ,у женщин – 25,21) поэтому для повышения эффективности профилактических мер рекомендуется усилить пропаганду гигиены полости рта как необходимого аспекта качества жизни в молодом и среднем возрасте.

** Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ 20-011-00485 Делиберативная аргументация между рассуждением и действием.

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛЕ НАУКИ И ПРОБЛЕМА ТАВТОЛОГИИ И ПАРАДОКСА*

Кирилл Владимирович Лоцевский

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
E-mail: cantalamessa@mail.ru*

Оксана Анатольевна Коваль

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, религиоведения и педагогики
Русская христианская гуманитарная академия
E-mail: ox.koval@gmail.com*

П. Бурдье ввел в научный оборот понятие социального поля, понимая под ним пространство производства символического капитала. Наряду с прочими, автономное социальное поле науки представляет собой арену борьбы за право навязывать свое определение того, чем оно является, каковы его границы и какие акции в нем могут считаться приемлемыми и допустимыми. Как ко всякому социальному полю, к нему применим тезис Н. Лумана о фундаментальном противоречии, сопровождающем любые попытки автодескрипции общества: социум (в том числе научное сообщество) не способен к самоописанию с помощью нейтральных и объективных средств и потому прибегает к фиктивным различиям, позволяющим имитировать внешнюю по отношению к нему локализацию наблюдателя. Как следствие, подобные автодескрипции сталкиваются с проблемой тождества системы, или проблемой тавтологии и парадокса: общество либо есть то, что оно есть, либо оно есть то, что оно не есть. Стало быть, социальная дескрипция представляет собой в той или иной степени ангажированный нарратив, поскольку вынужденно отказывается от рефлексии над проблемой тождества и поддерживает фикцию реальных различий. Любое действие в нем может быть интерпретировано как акция, направленная либо на консервацию, либо на субверсию господствующей системы представлений о структуре и функциях этого поля, то есть на легитимацию либо ревизию существующей научной парадигмы или дисциплинарной матрицы. Наука либо есть то, что она есть, либо она есть то, что она не есть. Всякое социально признанное новое знание переформатирует иерархическую структуру науки, а определение науки есть не методологически санкционированная данность, а результат конкурентной борьбы за научное доминирование – за право предписывать, какие проблемы, методы и теории могут считаться научными. Взгляд на поле науки сквозь призму проблемы тавтологии и парадокса позволяет лучше понять логику научных конфликтов и мотивацию их участников, а следовательно, и специфические особенности роста научного знания.

КАРТИНА МИРА В ЖАНРЕ АВТОПОРТРЕТА, ИЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ**

Александр Александрович Львов

*Кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры философской антропологии
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: a.lvov@spbu.ru*

Тезис Б. Латура о том, что лаборатория является лишь шагом на пути к политической деятельности, целью которой является преобразование общества, потому справедливо, что оно по сути своей универсалистское. Когда было сказано: *Wille zur Macht*, следующим же словом должно быть стать *Wille zur Erkenntnis*. Это нужно понимать как стремление человека к освобождению от ига мира, представшего перед ним как Другой, как задача о самом себе.

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ (№ 19-011-00371 А «Парадигмальные “заблуждения” и их влияние на культуру и общество»).

** Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ (№ 19-011-00603 «Наука как социальный институт в проектах российской модернизации (петербургский опыт)»).

Господство над окружающей действительностью возможно посредством реализации своей силы. Это особенно хорошо демонстрирует феномен научного предвидения как следствия систематизации мира, вычисления его как единого уравнения (начиная с «всеобщей математики» Декарта). Перед нами не бессильное состояние нажившего несметные богатства Дракона, но романтическое усилие к свободе через повторение природы и преодолению себя как природного существа.

Человек всегда полагал, что у него достаточно силы для господства над природой. Однако власть человека не от мира сего, ибо он сам является непременной составляющей мира. Подчинить себе мир означает перевоссоздать его в единстве замысла, заняв место Творца. Поскольку право на творческое единство мира имеет каждый, то и свою точку зрения (как точку сборки) каждый должен иметь возможность представить. Новоевропейский человек поэтому не мыслит себя вне сетей представительства, или вне публичного представления мира, которое становится по существу идеологией, то есть зеркалом самого человечества, в котором оно узнает свое усилие.

Картина мира — понятие, предложенное Генрихом Герцем, — отчетливо показывает, что наука всегда стремится установить порядок мира как органический и динамический проект. Плоскостность картины не должна нас смущать, потому что это вовсе не «плоскость восприятия», недостаточность, позитивистская нечуткость к существу, но заранее осознанная трудность, связанная с обусловленностью познающего субъекта, которую наука стремится превзойти.

ЭТИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ВРТ. МОРАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ*

Фарида Габделхаковна Майленова

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики

Институт философии РАН

E-mail: farida.mailenova@gmail.com

Внедрение в жизнь обычного человека новейших биомедицинских технологий позволяя, с одной стороны, решать проблемы, ранее недоступные медицине, порождает, с другой стороны, новый класс вопросов, в том числе психологического, этического и религиозного плана. Расширение спектра возможностей, в частности, в области деторождения благодаря вспомогательных репродуктивных технологиям (ВРТ), требует расширенного анализа этических, правовых, антропологических, религиозных и мировоззренческих вопросов, которые с неизбежностью встают как перед врачами репродуктологами, так и их пациентами. Ситуации, связанные с деторождением, не могут не затрагивать глубокие личностные пласты. Моральные интуиции, которыми руководствуются потенциальные родители, должны сегодня регулировать совершенно новые виды моральной ответственности, когда базовые ценности семьи, любви, деторождения, верности накладываются на постепенную трансформацию моральных норм и социальных взаимоотношений в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). Практическое осуществление морального выбора в новых условиях требует не просто решимости пройти порой непростой путь медицинских вмешательств, но и учета эмоциональных, психологических, религиозных факторов, лежащих в основе убеждений клиентов, включая как действующие моральные нормы и реальные нравы, так и их неоднозначную индивидуальную интерпретацию, присущую каждому индивиду и каждой паре. От врачей-репродуктологов требуются новые психологические знания в их деятельности по сопровождению пациентов, так как подобное ассистирование морального выбора требует деликатного учета всех индивидуальных этико-психологических факторов, включая религиозные. Религиозные представления и проистекающие из них нравственно-этические нормы продолжают играть огромную роль по отношению к человеческим культурам, являясь безусловной цивилизационной детерминантой не только для христианского мира, но также и для народов, исповедующих другие религии: ислам, буддизм, иудаизм, а также

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ № 18-011-01082/18 «Философские аспекты трансфера знаний и практик в системе наука-общество (пример вспомогательных репродуктивных технологий)».

иные, имеющие локальное распространение религиозные взгляды. Если сравнить разные религии с точки зрения их отношения к ВРТ, то самыми либеральными оказываются иудаизм и буддизм, а самой консервативной – христианство, в особенности православие и католицизм.

Современная традиционная семья также претерпевает постепенную модификацию, и необходимость осмысления и рефлексии всех этих процессов является актуальнейшей проблемой, решение которой лежит на стыке ряда наук: философии, социологии, психологии, прикладной этики.

О РАСПРЕДЕЛЕННОСТИ ЗНАНИЯ В ПЛАТОНОВСКОМ «ФЕДРЕ»*

Евгений Витальевич Малышкин

Доктор философских наук, профессор факультета свободных искусств и наук

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: e.malyshkin@spbu.ru

Если принять, что в платоновской Академии не только был хорошо известен аргумент третьего человека, но и сама идея сопричастности (или соимения, *meteimi*) была предметом тщательного обсуждения, то сюжет «Федра» может быть прочитан следующим образом: в трех речах и последующем отличии философского от общериторического обсуждается не сам эрос как предмет прагматической или онтологической заботы, но то, каким образом в эрос может быть вовлечен другой. Важно подчеркнуть, что не существует такой вещи, как эрос сам по себе (см.: Нанси Ж.-Л. «Сексуальные отношения»), это всегда обращенность к другому или к другим, причем взаимонаправленная, можно даже представить себе эрос, адресованный неизвестно кому (ведь эрос — претерпевание неизвестного, но узнаваемого), но нельзя понять эрос сам по себе. Таким образом, эротическое оказывается не одной из обсуждаемых тем для разъяснения теории эйдосов, но преимущественным топиком, который под другими именами обсуждается и в других диалогах, вытесняя диалектику, понятую как *ultima tute* разрешения вопроса «два мира или один?».

Порядок рассмотрения «речей» хорошо укладывается в классификацию распределенного знания. Таковую, в самых общих чертах, следует описать так: вещи с ограниченной распределенностью, вещи с распределенностью единичной (когда понять, что же ты имеешь ввиду, может один и только один собеседник) и вещи с распределенностью отрицательной (занятие такой позиции, при которой множество понимающих тебя собеседников будет заведомо сокращаться). В таком случае речь Лисия описывает любимого как пример отрицательной распределенности, первая речь Сократа — единичную распределенность, т. е. насильственное сведение класса эротических объектов к одному, а вторая речь Сократа описывает самый сложный класс: частный. При таком чтении важным вопросом оказывается: принадлежат ли влюбленный и любимый одному и тому же классу распределенности? Ответить на него помогают и отвержение письменности как коррупции памяти, и рассуждение о родах сущего, согласующееся с родами слушателей философских (т. е. подлинно эротических) речей.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ ДЛЯ УЧЕНЫХ КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГО**

Евгений Валерьевич Масланов

Кандидат философских наук, научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: evgenmas@rambler.ru

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РГНФ №15-03-00492 До объективности: новоевропейские формы дистрибутивного (распределенного) знания и НИР СПбГУ, ID в системе PURE 53363306

** Доклад подготовлен по результатам реализации проекта, поддержанного РФФИ №18-311-00187 «Коммуникационные площадки в сети интернет как «зона обмена»: перспективы и ограничения (российский контекст)»

Развитие интернета привело к формированию сегмента профессиональных социальных сетей, нацеленных на конструирование пространства взаимодействия между представителями различных профессиональных сообществ. В них решается большой круг различных задач – от обсуждения новых трендов в профессиональной области и поиска партнеров для реализации нового проекта до поиска работы и «обкатки» новых идей. Постепенно сложились профессиональные сети ученых и для ученых, к примеру, такие как Academia.edu или ResearchGate.net, ведущие издательства научной литературы и владельцы баз цитирований так же развивают подобные проекты. Они должны быть направлены на активизацию взаимодействия между учеными, формирование общего поля интересов и пространства содержательных дискуссий. Активной развитие подобных проектов может привести к формированию специальной коммуникационной системы среди ученых, которая во многом будет напоминать и дублировать существующую систему научных журналов и научных репутаций. Они могут сформировать закрытую систему передачи и функционирования научного знания уже в рамках ориентированного на активное использование информационно-коммуникационных технологий общества. В этом случае подобные социальные сети могут предстать идеальным вариантом формирования самореферентной системы, ориентированной лишь на распознавание кодов истинности/ложности. Однако современная наука стала технонаукой, а научное знание используется для решения прикладных задач не только учеными, но и людьми, напрямую не связанными с научными исследованиями. Она играет важную роль в формировании стандартов рациональности, развитии критического мышления, поддержании системы принятия решений, противостоянии популизму. В результате важным становится дублирование взаимодействия научного знания и науки с не-учеными и в мире цифровых технологий и социальных сетей в интернете. Для активного развития подобного взаимодействия необходимо придерживаться нескольких фундаментальных принципов: формирование доступного контента; формирование общих правил взаимодействия между всеми участниками подобных площадок (учеными и не-учеными); создание механизмов как трансляции знания, так и восприятия критики знания; использование механизмов формирования общих навыков взаимодействия на базе используемого интерфейса. В этом случае социальные сети ученых могут стать общественным благом, помогающим активному формированию инновационных решений в различных областях жизни общества.

ЛИФШИЦ КАК ИСТОРИК НАУКИ (ПОНЯТИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ М.А. ЛИФШИЦА)*

Е.Ю. Машукова

Кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии

Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского

E-mail: lilacrainbow@yandex.ru

Предметом данного исследования являются взгляды Лифшица на категорию эстетического. В конце 20-х годов Лифшиц делает открытие, что у Маркса была своя система эстетических взглядов. Он создает марксистско-ленинскую эстетику, в корне отличающуюся от того, что преподавалось в СССР под этим именем, так как общепринято было считать, что у Маркса не было никакой оригинальной эстетической концепции. В статье утверждается, что одной из ключевых характеристик эстетики М.Лифшица является верность классической традиции мировой культуры и марксизм для него закономерный итог развития мировой культуры, наследник философской традиции от Сократа до Гегеля. Актуальность данного исследования определяется интересом к советскому проекту, защитником которого выступал один из крупнейших советских интеллектуалов – М.А. Лифшиц. Методологически работа базируется на историко-философском анализе первоисточников и исследовательской литературы. В результате исследования автор обнаруживает, что концепция Лифшица не только перевернула представление об эстетических взглядах Маркса, но и по новому трактовала всю марксистскую философию. Центральное место в его исследованиях занимало

* Доклад подготовлен при поддержке РФФИ (проект № 18-011-01042 А «Консервативные идеи в советской философии и литературе (круг М. А. Лифшица)»).

стремление показать в марксизме «присутствие высокого общественного идеала». Для Лифшица марксистская эстетика воплощала историческое мировоззрение марксизма, взгляд на внутреннюю структуру человеческой истории. В марксизме, в трактовке Лифшица, эстетическая проблематика сопрягается с нравственной, он определяет эстетическую точку зрения как точку зрения диалектическую, или «всемирно-историческую», подразумевая под этим, что эстетическая точка зрения связывает наш обычный мир с бесконечностью, с тем, что превышает все доступные нам «средние измерения». Другими словами, эстетическое это то, что сочетает идеал и действительность, свободу и необходимость, идеальное и реальное, что составляет самую суть марксистского мировоззрения. По словам Лифшица, «революционное мышление марксима выходит далеко за пределы рассудочной схемы рационального тождества и технической правильности, перенесенных в конкретный мир истории». Поэтому Лифшиц и не отказывался от марксистских убеждений даже в эпоху глубочайшего кризиса советского общества, так как был убежден, что в марксизме есть такие прочные феномены, которые не теряют своей актуальности при любых обстоятельствах.

Ключевые слова: эстетическое, история, общественный идеал, историческое мировоззрение марксизма, нравственность.

ВЫДВИЖЕНИЕ АРГУМЕНТОВ КАК ВИД КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ*

Иван Борисович Микиртумов

Доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: i.mikirtumov@spbu.ru

В научной коммуникации выдвижение аргументов представляет собой частный случай вспомогательного обоснования точки зрения. То, что это так, становится понятным в тех случаях, когда аргументы не выдвигаются, так что те или иные результаты исследования, будучи представленными как таковые в форме повествующего о его ходе нарративе, не включаются явным образом в контекст научной дискуссии как частного случая дискуссии в широком социальном контексте. В этом случае они могут остаться незамеченными, нераспознанными – как это не раз бывало в истории науки, и, вследствие этого, не повлиять на её развитие и на социальную практику. Использовать или не использовать схемы обычной аргументации для встраивания результатов исследования в оборот научной информации – это выбор исследователя, определяющий его коммуникативное действие в диапазоне от сокрытия и умолчания до самого широкого распространения знания. Для интерпретации такого рода действия я предлагаю использовать модель «биржи» информации, функционирование которой описывается терминами теории игр. Выдвижение аргумента уподобляется оферте, его критика – попыткой снизить цену, принятие – покупке. Максимизация выигрыша рассчитывается при этом в долгосрочной перспективе и предполагает учёт дальнейшей циркуляции информации и её влияния на реальность за пределами «биржи». В определённых ситуациях именно сокрытие информации или умолчание о ней может рассматриваться владельцем актива (знания) как наиболее выгодное для него действие. Многообразие понимания «выгоды» здесь гораздо шире, нежели предлагаемое экономической теорией, поскольку агенты могут исходить из придания безусловной ценности некоторым группам идей и считать вредными для себя любую информацию, которая способна нанести им вред, хотя бы она и отвечала критериям научной истины. В отличие от иных ресурсов, элементы знания при их соединении могут не увеличивать, а уменьшать определённость, как это, например, происходит при появлении противоречий. Поэтому оценка выгоды действия по введению информации в научный оборот требует использования модели изменяющегося знания агента, использующей те или иные логические принципы адаптации информации.

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ (20-011-00485 «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием»).

ПРОБЛЕМА ИДЕАЛЬНОГО В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ: ДИАЛОГ МИХАИЛА ЛИФШИЦА С ЭВАЛЬДОМ ИЛЬЕНКОВЫМ*

Андрей Николаевич Муравьев

Доктор философских наук, доцент кафедры истории философии

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: muravyovan@yandex.ru

Проблема идеального вслед за Г. В. Ф. Гегелем, К. Марксом и В. И. Лениным была поднята в советском марксизме Э. В. Ильенковым и после его смерти стала предметом специального исследования в последней крупной работе М. А. Лифшица, которая в незаконченном виде была опубликована в 2003 году В. Г. Арслановым. Автор доклада обращает внимание на то, что исследование этой проблемы было поставлено Лифшицем в контекст отношения классической и постклассической философской мысли, что дало исследователю возможность развернуто обсудить ее главные аспекты, актуальные для современной философии науки и техники. В числе таких аспектов – вопрос о едином поле сознания, противоречие конечного сознания и вызванные его противоречием поиски «метасознания», а также проблема сознательности сознания, которая выводит Лифшица на проблему природы идеального, составляющую предмет его дружеской полемики с Ильенковым. В докладе предпринимается сравнительный анализ позиций Лифшица и Ильенкова по названной проблеме, который показывает, что достоинства и недостатки их работ напрямую связаны с характером и степенью освоения этими выдающимися мыслителями советской эпохи классического философского наследия. Ильенков осваивал это наследие в духе трансцендентального идеализма Фихте, к которому был близок ранний Маркс, а Лифшиц по необходимости стремился дополнить абсолютный субъективизм деятельностной трактовки идеального Ильенковым, сделав акцент на его абсолютно-объективной, природной стороне и открыто склоняясь к точке зрения натурфилософии Шеллинга, близкой позднему Энгельсу в его «Диалектике природы». Поскольку же оба они во взгляде на Гегеля разделяли установки Маркса и Энгельса, постольку обращение Ильенкова и Лифшица к классической философской мысли в связи с проблемой природы идеального позволило им разработать оригинальные неомарксистские версии решения этой основной философской проблемы, способные и сегодня стимулировать решение частных научных и технических проблем. В заключительной части доклада его автор раскрывает необходимость сотрудничества между философами и учеными в решении насущных философских и научных задач.

ЗАБОТА КАК ДЕЯТЕЛЬНАЯ ФОРМА ПОЗНАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

София Хамидовна Мухина

Магистр, ведущий специалист

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: alson7@mail.ru

Константин Семенович Пигров

Доктор философских наук, профессор,

профессор кафедры социальной философии и философии истории

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: kspigrov@yandex.ru

Забота как деятельная форма самосознания артикулирует фундаментальную настроенность человека, в которой опыт познания мира опирается на опыт любви,

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ 18-011-01042 А: «Консервативные идеи в советской философии и литературе (круг М. А. Лифшица)».

** Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ (18-011-00798 «Инструментальные стратегии развития национального самосознания России: социально-философское исследование технологий скриптизации бытия»).

благоговения и философского удивления (А. Швейцер и др). Современный человек, исключив сакральное из опыта отношения с миром, теряет ориентацию в отношении его целостности и мучительно пытается обрести её заново. Наука в 21 в. обнаруживает тенденцию кардинальным образом переосмыслить вектор философского удивления (Лоран Дастон). Забота в этом контексте выступает как современное прочтение телоса.

Исходно забота опирается на концепт интенциональности (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер), осмысляемый как фундаментальная устремленность субъекта к миру. Социально-философский аспект на первый план выводит синергию общей заботы. Последняя направлена на общности и объединения различных уровней и культивирует деятельную любовь к ним. Предельными горизонтами заботы выступают своя страна, всё человечество и биосфера Земли в целом.

В заботе структура темпоральной устремленности в будущее раскрывается через единство кайроса и хроноса. Синтез подвига кайроса и упорядоченности хроноса влечет за собой возможность выхода субъекта за пределы своего существования. Забота неминуемо чревата риском, она необходимо предполагает нарастающий авантюрный момент бытия (авось-бытие), масштабы которого прошлому неизвестны.

Забота в её попытках обуздать авантюренность выстраивает стратегии научного познания, институционализированного образования и воспитания. Речь идет не только о прагматических задачах генезиса человеческого капитала. Сюда включается новая рефлексия всей тотальности социокультурных институтов. На индивидуальном уровне эта установка тематизируется как забота о себе. В таком контексте заново осмысляются «гуманитарные технологии» личного и национального достоинства, благородства, культ честности, профессионализма. Таким образом, проект заботы, конструирующий российскую цивилизацию в целом, - и особенно науку, технологию, образование, - предполагает заботу как телос самосознания, требующий деятельной экспликации.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОСОФИИ*

Никита Олегович Ноговицын

Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии,

философии культуры и эстетики

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: n.nogovitsyn@spbu.ru

Образование, как и научная деятельность, основано на сложном процессе коммуникации. Поэтому любые изменения коммуникативного процесса, так или иначе, затрагивают и научную, и образовательную деятельность. Эти изменения происходят не только потому, что технические средства использовать модно (актуально, инновационно и т.д.), но и потому, что процесс коммуникации меняет привычную для аудитории форму текста, затрагивает основы процесса смыслополагания. Находясь на стыке науки и образования, философия всю свою историю успешно решала эту задачу, вырабатывая разнообразные образовательные стратегии и сохраняя высокий статус философского знания. При этом, каждое новое изменение позволяло не только эффективно развернуть философские тексты в образовательной среде, но и обнаружить оригинальные подходы к базовой проблематике, открыть новые методологические принципы.

Проникновение техники и связанных с ней новых форм коммуникации в образовательную среду приводит к появлению новых вызовов, которые достаточно сильно изменить образовательный процесс в целом. С одной стороны, эти изменения, очевидно, связаны с материальными составляющими – оптимизация преподавания, сокращение аудиторных часов, работа со студентами из других городов и пр. С другой стороны, они, очевидно, инспирированы и изменением аудитории. Мы все чаще видим студентов, которые не могут ходить на лекции, не готовы читать книги и не вполне понимают классический формат семинаров.

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ № 20-013-00865 («Социокультурная функция образования в России: философская аналитика»), 2020-2023 / The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research project № 20-013-00865

Подобная технологичность и онлайн-ориентированность далеко не всегда имеет положительный смысл. Очевидно, что она никогда не сможет быть полноценной заменой обычных аудиторных занятий. Вопрос в том, может ли она породить новые форматы образования, которые будут ориентированы или на тех, кто не может присутствовать в аудитории, или же окажется дополнением для классической формы образования.

В рамках данного доклада предлагается обсудить, какие технические средства позволяют максимально эффективно развернуть преподавание философии в онлайн формате. Могут ли какие-то философские сюжеты безболезненно трансформироваться и развернуться в технологичной среде.

ЭТИКА И ИДЕОЛОГИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ*

Елена Анатольевна Овчинникова

Кандидат философских наук, доцент Института философии

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: e.a.ovchinnikova@spbu.ru

Этика как наука и дисциплина сформировалась в России к началу XIX века в процессе становления университетской системы образования, пройдя довольно сложный путь от латинских курсов Киево-Могилянской и Славяно-греко-латинской академий – к теоретическим построениям профессоров первых российских университетов. Но судьба теоретической этики в России всегда была неотделима не только от статуса и институционального характера философии, но зависела, прежде всего, от идеологических установок и государственных стратегий. Теоретическая этика в России на протяжении всего XIX века переживала драматические периоды упразднения, запрета и возвращения, «восстановления в правах». Поскольку философское образование воспринималось как определенная форма мировоззрения и основание для политических, общественных убеждений, то судьбы философии во многом зависели от государственных задач, политических и общественных идеалов. Наиболее драматично складывались отношения этики и государственной идеологии в первые десятилетия XIX в., когда этика была вытеснена из академической среды на долгие десятилетия. Однако уже к концу XIX века, вернувшись в университетскую среду, этика сама становится идеологической силой, обращаясь непосредственно к социальным проблемам. В этот период от этики требуют не кабинетных теорий, а ответов на социальные, политические запросы общества и личностного участия в моральном историческом выборе. Теоретические дискуссии выходят за пределы университетских аудиторий, академических кафедр и становятся одним из факторов формирования как общественного морального сознания (на уровне общественной морали), так и индивидуального морального сознания, личностной моральной рефлексии.

После революции в 20-х гг. XX в. начинается этап радикального отрицания этики как науки и «вытеснения» ее из образовательного и научного пространства, вызванный политическими факторами и идеологическим влиянием, с одной стороны, и формированием новой морали, которая включается в государственную идеологию как ее неотъемлемый компонент, с другой стороны. В пореволюционные годы место теоретической этики занимает этическая доктрина, задача которой – четко регламентировать, кодифицировать поведение, задавать жесткую нормативную систему, формировать нравственные идеалы, воспитывать нового человека. Этика возвращается в университеты и вновь обретает свой научный статус лишь в 1960-ые годы XX в. во многом благодаря изменившимся идеологическим установкам и политическим задачам.

В истории университетской науки на протяжении практически всего XIX века (а далее и первой четверти XX века) идеологическое влияние определяло судьбу этики как науки и учебной дисциплины. Становление теоретической этики определялось не столько логикой развития самой науки, сколько социально-политическими запросами, культурными и идеологическими векторами, что во многом обусловило обращенность этики к прикладным

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ 19-011-00766 «Категориальный строй русской этической мысли».

проблемам, сформировало предметную область социальной этики, этики права, этики воспитания.

ИЗМЕНЕНИЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ УСТАНОВОК АГЕНТОВ И АРГУМЕНТАТИВНЫЙ ДИСКУРС*

Александра Михайловна Павлова

Студент PhD

Венский технический университет (TU Wien)

Стажер-исследователь лаборатории логики, лингвистики и формальной философии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: Pavlova.alex22@gmail.com, ampavlova@hse.ru

Доклад посвящен результатам исследования особенностей изменения эпистемических состояний агентов, включающих их знания, убеждения, а также цели, как результат действия других агентов. Будут представлены особенности обновления эпистемических состояний для агентов с различными первоначальными установками. Мы предлагаем комплексную логическую классификацию типов (презумпций) когнитивных агентов применительно к формальным теориям, моделирующим рациональное поведение, включая рассуждения. В классификации уточнены и систематизированы подходы к пониманию сути многообразия агентов, явным и неявным образом содержащиеся в логических формализмах, предназначенных для анализа знаний и убеждений агентов, их интеллектуальных способностей, а также особенностей рационального обоснования ими своих действий. Данная классификация может служить концептуальным основанием для решения проблемы многообразия агентов в логических теориях. Классификация типов когнитивных агентов включает три общих класса логических параметров — компетенций, по которым агенты могут различаться: эпистемические, целевые, или акционально-деятельностные, и дедуктивные. Мы отстаиваем положение о том, что эпистемические и целевые параметры выделения разных (презумпций) агентов выступают определенного рода надстройками над тем, каким образом трактуются дедуктивные параметры поведения рациональных агентов. В данном докладе мы фокусируем наше внимание на особенностях изменения эпистемических установок агентов в разных дедуктивных системах (выступающих в качестве дедуктивных презумпций). В настоящее время хорошо исследованы механизмы моделирования изменения знаний и убеждений агентов в классической логике. Мы предлагаем логическую систему для обновления информации, в которой в качестве базовой логики используется интуиционистское исчисление. За основу нашей системы мы берем интуиционистскую эпистемическую логику IEL, предложенную С. Артемовым и Т. Протопопеску. В рамках изучения изменения эпистемического состояния агентов обычно рассматриваются ситуации, в которых заранее известен уровень доверия агентов к источнику новой информации. Результаты, полученные для логики IEL применяются в контексте аргументации, т.е. действия по порождению, предъявлению и оценке обоснования будет рассмотрено в контексте аргументации, частью которой они являются и в связи с целями, которые преследуют агенты.

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ № 20-011-00485 А «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием».

ОБОСНОВАНИЕ ПОЗИТИВНЫХ НАУК В РЕГИОНАЛЬНЫХ ОНТОЛОГИЯХ У Э. ГУССЕРЛЯ И М. ХАЙДЕГГЕРА*

Андрей Борисович Паткуль

Доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: a.patkul@spbu.ru

Важность феноменологической философии для современной философии науки состоит, среди прочего, в том, что здесь предлагается своеобразная концепция отношения философии к позитивным наукам, а также особый тип обоснования последних в первой. Центральным понятием, маркирующим феноменологический подход в философии науки, прежде всего, способ обоснования позитивных наук в философии выступает понятие *региональной онтологии*.

Понятие региональной онтологии вводится Гуссерлем как оппозиция понятию формальной онтологии. Формальная онтология – это аналитическая онтология, в том смысле, в котором она исследует аналитические категории, характеризующие некоторое нечто вообще. Она, как выражается Гуссерль, имеет дело с «квазирегионом» предмет вообще, который является независимым от конкретного содержания, присущего этого предмету. В этом смысле формальная онтология является универсальной. Но такой универсально-формальной онтологии основатель феноменологии противопоставляет т.н. *материальные онтологии*. Таковые имеют дело уже не с формально-аналитическими категориями, а с априорно-синтетическими, т.е. содержательными категориями. Однако нет никакой универсальной синтетической априорности; таковая относится всякий раз к определенному предметному региону (материальная природа, живая природа, дух). Поэтому Гуссерль характеризует материальные онтологии также и в качестве онтологий региона, или региональных онтологий. Именно онтология региона, раскрывая априорную конституцию предметного региона, исследуемого соответствующей наукой, производит обоснование этой науки. В докладе на примере второй и третьей книги «Идей» будет показано, как именно Гуссерлем мыслилось это обоснование.

Термин «региональная онтология» сохраняется также и в фундаментальной онтологии Хайдеггера. В данном случае термин этот, правда, получает новое истолкование, связанное с трансформацией понимания сущности онтологии у этого философа. Прежде всего, это истолкование коренится в его тезисе онтологической дифференции, т.е. различия бытия и сущего. Так, если все нефилософские науки, согласно Хайдеггеру, исследует сущее того или иного региона, то философия как онтология исследует бытие. Но между исследованием смысла бытия как такового (радикальная онтология) и исследованием того или иного региона сущего в науках имеется известное опосредствование. Это философское, т.е. онтологическое исследование не бытия вообще, а бытия некоторого региона сущего, его категориальной конституции. Это исследование Хайдеггер характеризует также в качестве продуктивной логики соответствующей позитивной науки.

НЕЙРОЭТИКА И ТЕХНОЛОГИИ «ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ»**

Вадим Юрьевич Перов

Кандидат философских наук, доцент кафедры этики

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: vadimperov@gmail.com

Существование и круг проблем нейроэтики во многом определяется не только состоянием и достижениями наук (в том числе и когнитивных), изучающих головной мозг и функционирование нервной системы, но и развитием связанных с этим технологий. В качестве примера к последним можно отнести разнообразные технологии «виртуальной

* Доклад подготовлен по результатам проекта № 18-011-00753 А «Рецепция и трансформация идей Мартина Хайдеггера в русской философской мысли»

** Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ (№20-011-00124 «Трансформация нравственной культуры под влиянием нейронаук»)

реальности», способные создавать «новые жизненные миры» и воздействовать через нервную систему на психику и восприятие человеком себя и окружающей действительности, а, следовательно, и на его мировоззрение и поведение, в том числе в их нравственной составляющей. Проводимые с использованием «виртуальной реальности» исследования поставили целый ряд этических проблем, которые могут быть сгруппированы следующим образом: во-первых, это этические вопросы потенциального применения этих технологий для учёта особенностей индивидуальной мозговой деятельности (психики) и возможного воздействия на нейрофизиологические процессы с целью влияния на мотивы (причины) поведения отдельных людей в конкретных ситуациях. Например, с целью усиления эмпатии на основе предварительной диагностики для решения какой-то морально значимой проблемы. Во-вторых, речь может идти о возможном вмешательстве в целях расширения границ человеческих возможностей, том числе моральных качеств, то есть о «моральном улучшении людей» в долгосрочной перспективе. Причем, эти группы проблем имеют различные этические ракурсы в зависимости от особенностей возникающих целей и смыслов использования этих технологий. В качестве наиболее наглядных можно выделить следующие: а) лечебные цели, когда возникает необходимость медицинского вмешательства; б) социальные или корпоративные цели, например, в тех случаях, когда профессиональная деятельность требует «особых моральных качеств»; в) осуществление правосудия (моральное перевоспитание преступников); г) желание изменить себя, в том числе, посредством необычного опыта «виртуальной реальности».

НАУКА ОБ ОБРАЗОВАНИИ: ГАБИТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КАПИТАЛА И ЕГО СУБЪЕКТ*

Валерия Владимировна Петренко

*Кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии,
теории познания, социальной философии философского факультета
Национальный исследовательский Томский государственный университет
E-mail: vptomsk@mail.ru*

У Б. Польре, Я. Бутана, Ф. Берарди, П. Вирно *когнитивный капитализм* отличает ставка на образование, которое принимает черты товарной формы. Интегрированное в общественное производство, образование способствует возрастанию символического общественного капитала. Попутно оно втянуто в процесс формирования разнообразных идентичностей. Актуальная типология «образовательной субъективности» демонстрирует *вариативность* и *частичность* идентификационных паттернов, что делает образование ответственным за «реализм социальной структуры» (П. Бурдьё), «натуралистический» характер которой активно деконструирует социальная философия. Социальная реальность возникает в пересечении частных горизонтов ее агентов; от их дикурсивной компетенции (Ю. Хабермас) зависят очертания социальной онтологии. Это усиливает мотив коммуникативного воздействия на ее формирование: «социальность» предстает в сложной игре партикулярных горизонтов как интенционально заданное пространство общественных притяжений и отталкиваний, как конечный эффект коммуникативной активности агентов влияния, согласования/рассогласования их взаимодействий. Вектор гомогенности, ассоциируемый с традиционной образовательной политикой, дополнен стратегией «заботы о себе». Это происходит путем новой габитуализации образовательного капитала и усложнением способов конституирования его субъекта. Производство «образовательной субъективности» в гибридно организованном социокультурном мире осуществляется в модусе гетерогенности. Типология «габитуальных образовательных профилей» - как субъективной упорядоченности социального мира, инкорпорируемого в соответствующую «субъективную настроенность» - формирует отношение к базовому образовательному паттерну: а) как следование ему (такой профиль является «рыночным») либо б) как отталкивание («эстетический»/ или «биеннальный»). Рыночная стратегия состоит в выборе образовательной траектории и в использовании конечного продукта

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РГНФ «Забота о себе» как образовательная практика современного классического университета»: №17 – 06 – 14772 г., 2017 г.

(приобретенных знаний) так, чтобы идеально вписаться в порядок общественного разделения труда, исходя из выигрышной конкурентной позиции - например, получив диплом университета с высоким индексом узнаваемости и, тем самым, подтвердив намерение «быть лучшим в предлагаемых обстоятельствах». *Эстетическая* стратегия нарушает конфигурацию социальных и профессиональных полей, добавляя к ним новые компетентностные позиции, ведя к успеху в условиях вновь заданных отношений профессионализма и конкурентноспособности. *Эстетическое* требование, созвучное контр-настроениям рынка искусства - «красота против коммерции» (И. Грав) - это собственный интерес, выступающий своеобразным «трансцендентальным заказчиком» по адресу образовательных институтов, против сложившейся и успевшей закознить системы рыночного спроса.

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.А. СОЛЛОГУБА КАК ПЕНОЛОГА*

Алексей Александрович Пирогов

Магистр искусств, аспирант Института философии

Санкт-Петербургский государственный университет

Член Комиссии Санкт-Петербурга по общественному контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания (ОНК)

E-mail: alekseipirogov69@mail.ru

В докладе анализируются историко-философские основы общественной благотворительной деятельности отечественного литератора и тюрьмововеда (пенолога) графа В.А. Соллогуба (1813-1882), его исследования пенитенциарной системы с целью её дальнейшего государственного реформирования. Проводится сравнение научной методологии, философских интуиций и социально-значимых результатов трудов В.А. Соллогуба с деятельностью английского пенолога и филантропа Джона Говарда (1726-1790), который также внёс существенный вклад в становление российской уголовно-исправительной системы, способствовал формированию её нравственных основ. Факт постоянного сравнения с прославленным английским гуманистом был хорошо известен самому В.А. Соллогубу. В этом смысле интерес представляют размышления личности, находящейся образно «в тени великого тюрьмововеда», а также поиск самостоятельного российского пути развития науки об исправлении и наказании. К сожалению, труды В.А. Соллогуба как тюрьмововеда изучены фрагментарно, как и те научные представления, которые способствовали его активности по подготовке пенитенциарной реформы в России. Релевантность нашего исследования состоит в том, что в отечественной науке до последней четверти XIX века не сложилось единого направления, которое полным образом описывало бы пенитенциарную проблематику, которой нередко некоординированно и бессистемно занимались: политики, чиновники, правоведы, священники и врачи. Философские основания этой деятельности в последующее время также анализировались недостаточно, поскольку часто представляют собой лишь разрозненные текстовые фрагменты статей, цитаты выступлений, выдержки из писем, страницы мемуаров и воспоминаний. Отечественные тюрьмоведы XIX века значительно большее внимание уделяли статистическим отчётам, докладам и конкретным предложениям по улучшению и реформированию тюремной системы. Автор обращает внимание на то, что В.А. Соллогуб оставил после себя не только грандиозное литературное и хорошо изученное наследие, но и ряд научных статей, которые актуальны и по сей день, особенно – в свете формирования российской модели толерантности и дискурса об отмене моратория на применение смертной казни. В докладе также уделяется внимание всестороннему рассмотрению исторического контекста, поскольку вне его рамок невозможно понять философские идеи, повлиявшие на личность и приведшие к попытке осуществления социальных преобразований. Автором делается вывод об исторической преемственности отечественной и европейской мысли, а также

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ № 19-011-00779 «Нелиберальные концепции толерантности: история, практика, перспективы»

подчёркиваются характерные особенности российского подхода к проблематике пенитенциарной системы.

Ключевые слова: история, философия науки, В.А. Соллогуб, Джон Говард, благотворительность, пенитенциарная система, тюрьмоведение, толерантность.

СТРАТЕГИИ РАБОТЫ С СОЦИАЛЬНЫМИ ОЖИДАНИЯМИ ОТ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ*

Софья Владиславовна Пирожкова

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: pirozhkovasv@gmail.com

С развитием публичной сферы наука и технологии все более сосредотачивают на себе коллективные чаяния и страхи, которые через политическую и рыночную конъюнктуру начинают влиять если не на содержание, то на направленность не только прикладных, но и фундаментальных исследований. При этом общественные ожидания от научно-технологического развития отличаются эмоциональным характером, они нестабильны и чувствительны к позитивному/негативному информационному фону и эмоциональному заражению, что превращает их в фактор риска при выстраивании долгосрочных исследовательских и инженерных проектов. Задача, таким образом, представляется следующей: сделать формирования социальных ожиданий как можно более управляемым. Поскольку управленческая практика реализуется целым рядом субъектов, различающихся интересами и целями, социальные ожидания оказываются желаемым ресурсом в конкурентном пространстве. Здесь разворачиваются практики контроля, работающие с разными видами знания – научным и обыденным, универсальным и ситуативным, всеобщим и локальным. Часть практик продолжает направляться гуманистическими и демократическими идеалами, но наталкивается на, кажется, непреодолимые ограничения, обусловленные разнонаправленностью карьерных, политических или экономических интересов вовлеченных лиц. Партиципативные и делиберативные практики в таком ракурсе оказываются лишь завуалированными формами манипулирования общественным сознанием, так же как и прогнозные исследования – направленными не на информирование общества, а на создание определенной картины у потенциальных инвесторов. К социальным ожиданиям можно относиться как к объекту в двух деятельностных режимах – исследовательском (познавательном) и конструктивном (формирование нужных ожиданий, запросов и настроений). Практики участия апеллируют к субъект-субъектному подходу, но важно понимать, что первичной оказывается сама такая установка, а не формат привлечения общества к совместной работе или диалогу. Этим обусловлена важность экспликации идейных основ различных партиципативных форматов. В частности, необходимо понимать, что ожидания как отчасти некритическая и нерerefлексивная форма подготовки к будущему в рамках выработки решений с привлечением общества должна быть заменена критическим отношением к обещаниям и неудачам. Это предполагает намного более широкую деятельность, чем проведение разовых мероприятий. Суть этой деятельности – с одной стороны, предоставление гражданам необходимой информации, с другой – формирование у них системы компетенций, позволяющих работать с этой информацией, трансформируя ее в адекватные картины текущего и перспективного состояния науки и общества. Оба направления сталкиваются с существенными ограничениями: во-первых, частичной закрытостью информации (обусловленной как экономическими, так и эпистемологическими причинами), во-вторых, качеством образовательных программ, не обеспечивающих необходимого уровня интеллектуальной подготовки.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 19-511-04003.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ У. ПАЛМЕРА В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОСЛАВНО-АНГЛИКАНСКОГО ДИАЛОГА*

Николай Станиславовича Поляков

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: n.poljakov@spbu.ru*

Взаимоотношения между православными церквями и Церковью Англии в XIX в. – довольно интересный сюжет, до сих пор недостаточно изученный в отечественной науке. Очевидно, что это изучение предполагает задействование различных методологических подходов, что делает проблему философско научной. Например, использование контекстно-текстуального и компаративистского методов, позволяющих проанализировать разнообразие существующих исследовательских подходов. Православно-англиканский диалог, истоки которого восходят к деятельности нонджуреров в конце XVII столетия, был связан с предпринятыми представителями Оксфордского движения (Дж. Кибл, Дж.Г. Ньюмен, Э.Б. Пьюзи и др.) попытками по восстановлению традиций Древней Церкви. Их представления об апостольской преемственности Церкви Англии не могли не привести к увлечению восточными Отцами, а позже – проекту по возможному воссоединению церквей. Начавшийся XIX в. экуменический диалог – следствие индивидуальных попыток ряда представителей Оксфордского движения понять современное им православие и установить контакты с видными иерархами Восточных церквей. Одним из самых последовательных контактеров был дьякон Уильям Палмер (1811–1879), полагавший доктринальные расхождения между церквями незначительными и воссоединение возможным, поскольку они сохраняют единство Соборной Церкви, пусть и незримо.

У. Палмер был недоволен излишней теоретичностью своих соратников и предпринял вполне конкретные шаги по воссоединению церквей – дважды посетил Россию в начале 1840-х годов. Его встретили невероятно радушно, в частности, Палмеру удалось пообщаться с московским митрополитом Филаретом и обедать с императором Николаем I. Эти и другие встречи в разных городах описаны в его работе «Дневник первого путешествия в Россию». Несмотря на оказанное Палмеру гостеприимство, православные иерархи не скрывали своего скепсиса относительно единства Церкви Англии и Русской православной церкви. Ему предлагали отказаться от англиканства и принять православие. В итоге Палмер признал вселенский характер православной церкви, но так и не согласился с наличием ересей в 39 статьях англиканского вероисповедания и покинул Россию без видимого успеха. Однако уже современники оценили вклад Палмера в деле снятия взаимного недоверия и укрепления симпатии между народами. В современной англоязычной литературе мнения о его утопических проектах расходятся, за Палмером закрепилось прозвище «церковный дон Кихот».

ПОНЯТИЕ “ОДОБРЕНИЕ” В СТОИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ И ОБРАЗ УЧЕНОГО В МОРАЛИСТИЧЕСКИХ ЭССЕ АЛЕНА (Э. О. ШАРТЬЕ) **

Данил Сергеевич Попов

*Магистрант второго года обучения Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: Evseviy-Dan@yandex.ru*

Э. О. Шартъе известен как мыслитель–эссеист, оказавший в области этики и публицистики огромное влияние на французских интеллектуалов первой половины XX века. Одним из краеугольных камней его мировоззрения являлась приверженность стоическим идеям, о чем ясно свидетельствует знакомый русскоязычному читателю сборник его моралистических эссе (goros). Однако Алэн не ограничивался ретрансляцией нравственных

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ (От эрастианизма к трактарианизму: Церковь Англии в конце XVIII - первой половине XIX в. (18-011-00241).

** Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ № 18-011-01123 «Проблема сопряжения морали и религии в эпикурейской и стоической философии: сравнительный анализ полемики дискуссии».

наставлений стоиков. В основе его рецепции стоической мудрости лежала глубоко осмысленная идея стоической эпистемологии об одобрении мудрецом чувственных представлений. Речь идет о том, что в акте познания, согласно стоикам, ощущение не просто пассивно привходит в сознание: оно им контролируется. Движение руководящей части всегда предполагает активность, нежели пассивное восприятие чувственных данных. Ален отмечал, что «в соответствии со идеями стоиков крик безумца “сейчас день” ясным днем не имеет силу истины. Напротив, мудрец никогда не делает ошибки, даже когда он говорит что-нибудь ложное, поскольку его мудрость лежит в напряжении (tonos) его души а вовсе не в тех отдельных пропозициях, которые он произносит». Мышление оказывается здесь потенциально свободным не только от попыток принуждения и давления со стороны внешних сил, но и от аффектов и чувственных представлений. Ближайшим образом эта установка выразилась в рассуждениях Э. О. Шартье о ученых и науке на страницах его моралистических эссе. Сближая картезианские и стоические идеи, Ален указывает, что Декарт развил идеи стоиков утверждая, что «суждение — дело воли, а не понимания», называя «великодушием то, что обычно называют разумением». Таким образом, по мысли Алена, вместо того, чтобы говорить о истинности идеи, должно вести речь о «истинности» человека, соотносящейся с его стремлением знать, напрягать мысль, интенцией использовать идею как инструмент познания.

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЛЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ*

Елена Николаевна Лисанюк

*Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: e.lisanuk@spbu.ru*

Дмитрий Евгеньевич Прокудин

*Доктор философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: d.prokudin@spbu.ru*

В современном обществе делиберативная, или совещательная аргументация о том, как поступать и что следует делать в конкретной ситуации, распространена в различных областях деятельности человека (например, право, мораль, бизнес-аналитика, электронная демократия, юриспруденция, образование). Применительно к делиберативной аргументации развитие информационно-коммуникационных технологий связано с разработкой и использованием программного обеспечения (ПО), предназначенного для ее визуализации и моделирования, а в перспективе – для ее порождения в тексте и речи, а также поиска решений в аргументативных делиберациях. При этом в различном ПО явно или неявно имплементированы определенные концепции делиберативной аргументации. Это означает, что результаты применения различного ПО к анализу одного и того же образца делиберативной аргументации могут дать разные результаты. В нашем исследовании мы намерены выявить эти концепции, чтобы сформулировать корпус критериев оценки подобного ПО и провести его классификацию. Актуальность исследования обусловлена проблемой адекватности моделирования аргументации средствами различного ПО, которая заключается в следующих трёх аспектах:

1) имеются предметные ограничения концепций аргументации, имплементированных в ПО, вследствие чего моделирование делибераций, например, в теории принятия решения и в лингвистической прагматике реализуется по-разному. В перспективе это приведет к проблеме отбора пригодных решений, полученных алгоритмами искусственного интеллекта (ИИ) на основе разных теоретических концепций;

2) разработчики ПО осознают эту проблему и стремятся преодолеть предметные ограничения в междисциплинарном ключе, позиционируя свое ПО как широкоформатную

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ (проект № 20-011-00485, Делиберативная аргументация между рассуждением и действием).

методику. Тем самым желательное расширение сферы практического применения ПО достигается за счет размывания концептуальных границ первоначального нормативного понятия аргументации, что затрудняет создание алгоритмов поиска решений;

3) существуют технические ограничения ПО, например, обусловленные характеристиками программных платформ, на которых они созданы.

В свете проблемы адекватности моделирования аргументации средствами различного ПО для его классификации мы предлагаем полагаться на пять групп критериев: логические, прагма-лингвистические, коммуникативные, методологические и информационно-технологические. Наполнить их конкретным содержанием позволит уточнение концепций аргументации, имплементированных в ПО для ее моделирования.

ЛИБЕРТАРНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ В АМЕРИКЕ XX В.: ВОЛЬТЕРИНА ДЕ КЛЕР, МАЙЯ ДЕРЕН, МАРИЯ ЛУГОНЕС*

Мария Дмитриевна Рахманинова

Доктор философских наук, доцент кафедры философии

Санкт-Петербургский горный университет

mariarakhmaninova@gmail.com

Либертарная эпистемология – одна из ярких тенденций XX века. Богатая творческими решениями и неожиданными сюжетами, она остаётся по-прежнему открытой к поискам и сохраняет свой продуктивный потенциал. Известная, в первую очередь, по работам методолога науки П.Фейерабенда, она получила своё развитие и в исканиях других, менее известных авторов. Среди них – мыслительницы разных эпох: Вольтерина де Клер, Майя Дерен и Мария Лугонес. Логика объединения этих фигур не вполне произвольна, хотя и неожиданна. Однако помимо причастности собственно к области либертарной эпистемологии, их также роднит характер привнесённых подходов и артикулированных тем и акцентов, что позволяет наметить пунктиром не вполне очевидную гипотетическую траекторию в развитии ими методологии познания.

В основе философской эссеистики В. де Клер – метод феноменологической рефлексии, заряженный ницшеанской чувствительностью к связи человека с окружающим миром и соразмерным ей способом языкового освоения реальности субъектом. Наследуя романтической критике эпистемологии модерна, В. де Клер выводит ее за пределы экзистенциального поиска – в пространство политической и исторической рефлексии о зле и страдании, и о месте среди них человеческого бытия. Однако в отличие от Ницше, В. де Клер размыкает единственность фигуры субъекта познания (образованного и состоятельного европейца-мужчины), артикулированно дополняя его фигурами женщин и прочих «исключенных» (бедняков, евреев, рабочих и др.).

Этот ракурс, расширяющий диапазон возможных субъектов познания, знания и свидетельствования, впоследствии был развит яркой мыслительницей от кинематографа – М. Дерен. Её безмолвные фильмы выстроены вокруг философской рефлексии о субъекте речи и ее типах, с одной стороны, и вокруг размышления о процессе познания – с другой. Также наследуя критике тенденций Просвещения романтизмом, она вплотную подходит к постановке проблемы колониальной эпистемологии, принимающей за целое лишь очень ограниченный фрагмент мира и его образов (впрочем, и сама не преодолевая этот колониализм до конца). Декларативно покидая американский проект как один из итогов Просвещения, с помощью классических выразительных и познавательных средств, но видоизменяя их, М. Дерен прокладывает путь к иным способам и режимам познания, свойственным неевропейским проектам, и делает ставку на альтернативную рациональность колонизированных обществ.

М. Лугонес продолжает работу с новыми формами субъектности и проблемой истины. Истории множественного субъекта, по мысли М. Лугонес, конкретизируют его и через это принципиально меняют результаты исследования (впоследствии этот тезис будет развит в рамках АСТ). Кроме того, такое исследование оказывается подлинно политическим актом,

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ № 20-011-00885 «Гендерная ревизия истории философии».

поскольку «оно ставит нас в позицию интерсубъективного внимания и возможности диалогичной ситуации». С этой точки зрения, необходимым условием возможности истины становится панорамное соприсутствие множества пристрастных точек зрения, каждая из которых предоставляет обзор с нового (ограниченного) ракурса. Этот подход принципиально порывает с нововременной установкой на «объективность/нейтральность/беспристрастность» исследования и обеспечивает выход к более сложным методам и режимам познания.

СЕМАНТИКА ПОКРЫТИЙ ДЛЯ ИНТУИЦИОНИСТСКИХ МОДАЛЬНЫХ ЛОГИК ПРЕДИКАТОВ*

Даниил Дмитриевич Rogozin

Аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: chelsea2005joecole@icloud.com

Семантика покрытий была предложена Р. Гольдблаттом для характеристики предикатного расширения логики алгебры Гейтинга с нуклеарным оператором, распространенной конструкции в бесточечной топологии, изучающей топологические пространства как полные решетки специального вида, они же полные алгебры Гейтинга или локалы [2,3,4,5]. Такая семантика является вариацией семантики Крипке-Жояля, которая предлагает интерпретацию интуиционистской логики предикатов в теории топосов. В данном докладе мы рассмотрим семантику покрытий для более слабых логик и обсудим теорему о полноте, которая получается представлением полной алгебры Гейтинга с соответствующими операторами через подходящие системы покрытий. Данные операторы изучались ранее как интуиционистские эпистемические модальности, которые ввели С. Артемов и Т. Протопопеску для изучения философских вопросов знания и убеждения с конструктивной точки зрения [1]. Мы предлагаем альтернативную интерпретацию таких операторов как пренуклеарных, которые изучались Г. Симмонсом для характеристики специфических свойств локалей и решеток нуклеарных операторов над ними [6,7]. Сами теоремы о полноте соответствующих предикатных расширений рассматриваемых интуиционистских модальных логик мы также докажем с использованием пополнений по Дедекинду-МакНейлли, которые позволяют единообразно вкладывать алгебры Гейтинга в локалы [8]. Такие пополнения также были распространены автором для случая алгебр Гейтинга с пренуклеарными операторами.

Литература

1. *Artemov S., Protopopescu T.* Intuitionistic epistemic logic // *The Review of Symbolic Logic*. 2016. June 9(2). pp. 266-298.
2. *Goldblatt R.* Cover semantics for quantified lax logic // *Journal of Logic and Computation*. 2011 Dec 1, 21(6). pp. 1035-1063.
3. *Goldblatt R.* Representing and Completing Lattices by Propositions of Cover Systems // *Philosophical Logic: Current Trends in Asia 2017*. Singapore: Springer, 2017. pp. 1-18.
4. *Harding J., Bezhanishvili G.* MacNeille completions of Heyting algebras // *Houston Journal of Mathematics*. 2004. Jan 1, 30. pp. 937-952.
5. *Picado J., Pultr A.* Frames and Locales: topology without points // *Springer Science & Business Media*. 2011. Oct 21.
6. *Rogozin D.* Categorical and Algebraic Aspects of the Intuitionistic Modal Logic IEL- and its predicate extensions. arXiv preprint arXiv:2005.01135. 2020 May 3.
7. *Simmons H.* A curious nucleus // *Journal of Pure and Applied Algebra*. 2010. Nov 1, 214(11). pp. 2063-2073.
8. *Theunissen M., Venema Y.* MacNeille completions of lattice expansions // *Algebra Universalis*. 2007. Oct 1, 57(2). pp. 143-193.

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ № 19-011-00799.

КРИТИКА СЦИЕНТИЗМА В ФИЛОСОФИИ М. ХАЙДЕГГЕРА*

Юрий Михайлович Романенко

Доктор философских наук, профессор Института философии

Санкт-Петербургского государственного университета

E-mail: yr_romanenko@rambler.ru

В начале статьи «Наука и осмысление» М. Хайдеггер констатировал, что наука активно внедряется в различные формы жизни, однако всеобщая очевидность этого факта затушевывает собой неприметность ее существования. Сущностная потаенность науки, по Хайдеггеру, заключается в том, что она есть «теория действительного». В целом, существование науки двойко. Эта двойственность проясняется в хайдеггеровской философии через так называемую онтологическую разницу между бытием и сущим, выражающую границу между явным и неявным. Греческое слово «теория» буквально означает «зрелище», но в применении к науке это означает узрение скрытых сущностей. Предпосылки перехода науки на теоретический уровень возникли еще в античности, однако окончательный переход случился в Новое время, благодаря тому, что именно в эту эпоху человеческая «воля к знанию» приобрела планетарный размах, сформировалась и укрепилась установка на подотчетность и поднадзорность всего сущего научному разуму. Такую науку Хайдеггер отличал от философского осмысления. Первая направлена на увеличение знания о сущем, философия же нацелена на мышление бытия. Хайдеггеровская критика сциентизма заключалась именно в выявлении замаскированных волевых амбиций захвата мира. Наука берет себе на службу все возможности производимой ею техники, упраздняя возможности образования бытийной мысли. Существенной причиной утраты подлинности, согласно Хайдеггеру, является неадекватное техническое отношение человека к миру. Он видит опасность для философии в том, что от нее требуют технизации и сциентизации, которые продолжают развиваться и расширяться в новых формах в современной ситуации. Онтология, как философское осмысление бытия, в сциентистской версии и рекомендации заключается в том, чтобы мысль комментировала и интерпретировала результаты научного познания различных регионов сущего, став служанкой науки. Онтология, со сциентистской точки зрения, сама по себе не способна к автономности и самоопределению, мысль о едином бытии невозможна или вредна в силу своей потенциальной тоталитарности. Весь хайдеггеровский пафос заключался в противостоянии этой тенденции «онаучить философию». Бытие, по его мнению, никогда не даст себя просчитать научными средствами.

ИСТОРИЧНОСТЬ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ**

Татьяна Дмитриевна Соколова

Кандидат философских наук, научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: sokolatd@gmail.com

Для французской исторической эпистемологии понятие историчности применительно к познавательному процессу и развитию научного познания является одним из ключевых и системообразующих. Принципиальная историчность рациональности как основания познавательного процесса (а вместе с ним и науки как социального феномена) отличает ее от всех остальных сфер человеческой деятельности. Именно поэтому философская рефлексия над научным познанием в исторической перспективе, по мысли французских исторических эпистемологов, является основным инструментом для исследования познавательной деятельности. В фокусе настоящего доклада находятся два подхода к определению историчности научного познания. Основным различием между ними является представление

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ — № 18-011-00753 А «Рецепция и трансформация идей Мартина Хайдеггера в русской философской мысли».

** Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ 18-011-00281 «Историческая эпистемология: теоретические основания и исследовательские перспективы».

о прогрессе как неотъемлемой части познавательного процесса: первый подход можно охарактеризовать как «прогрессистский», второй – как «антикваристский».

(1) Первый подход был предложен в работах Гастона Башляра – родоначальника французской исторической эпистемологии. Для Башляра основным критерием, относительно которого должно теоретически выстраиваться историческое исследование научного познания, является прогресс рациональности: «история науки не могла бы быть эмпирической историей [...] она является историей прогресса рациональных связей знания» [Башляр, 2016: 228].

(2) Второй подход был намечен в работах Элен Метцжер и предлагал методологию исторического исследования науки в первую очередь для историков, а не для философов. История науки, стоящая на философских основаниях, по мысли Метцжер, противостоит «хронологическому эмпиризму» [Metzger, 1937, p. 204] классического исторического подхода, который в его крайней версии воплощается в виде хронологического документирования исторических текстов, фактов и открытий.

Если для версии исторической эпистемологии, предложенной Башляром и его последователями, одной из основных задач исторического исследования было составление своего рода иерархической модели ученых прошлого, так как «история науки в сущности является историей, подлежащей суждению» [Башляр, 2016, с. 224], то из принятия «гетерогенных и несовместимых друг с другом» исторический а priori (то есть, по сути, систем рациональности) следует невозможность маркировки ученых прошлого как хороших или плохих, а научного познания как исключительно направленного на прогресс. Тем не менее, именно такой подход к анализу истории науки, оставляет приоритет в исследованиях познавательного процесса за философией (теорией познания), а не за историей.

Литература

1. Башляр Г. Актуальность истории науки // Эпистемология и философия науки. 2016. № 2. С. 220-232.
2. Metzger H. La méthode philosophique dans l'histoire des sciences // Archeion. 1937. Vol. 19. P. 204-2016.

ЭКСТЕРНАЛИЗМ В ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ СЬЮЗАН ХЕРЛИ*

Федор Алексеевич Станжевский

Кандидат философских наук, старший преподаватель

Санкт-Петербургский Государственный Технологический Институт

E-mail: Stanzh@mail.ru

Сьюзан Херли (1954 – 2007) – американско-британский философ, разрабатывавшая концепцию сознания в русле теории динамических систем, которая постулирует эмерджентное возникновение когнитивных состояний из сложного и динамического взаимодействия между мозгом, телом и средой. Херли подвергала критике традиционную модель соотношения восприятия и действия, основанную на «концепции сэндвича», состоящего из двух половин – восприятия и действия, причем «начинкой», разделяющей их, служит когниция или ментальная обработка информации. Напротив, Херли подчеркивает конститутивную взаимозависимость между восприятием и действием и зависимость когнитивных процессов от сенсомоторных связей, отрицая приоритет внутренних ментальных репрезентаций или процессов обработки информации. С точки зрения Херли, многие когнитивные состояния невозможно объяснить интерналистским образом, акцентируя исключительно те процессы, которые локализованы внутри индивида (например, «в голове» индивида или даже в нервной системе в целом). Процессы, которые делают возможным когнитивное состояние, могут выходить за пределы мозга и охватывать собой элементы среды, причем под последним понятием подразумевается как естественная, так и культурная и социальная среда. Такие процессы преодолевают границу между внешним и внутренним, телом и средой. Например, согласно экологической концепции

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ (проект № 20-011-00885: Гендерная ревизия истории философии).

сознания, имеет место непрерывная петлеобразная обратная связь между модуляцией оптического потока при помощи движения и модуляцией движения путем изменений в оптическом потоке. Ключевым понятием в этой экстерналистской концепции сознания является понятие обратной связи. Внутренние и внешние процессы, которые делают возможными некое психическое состояние (например, восприятие), называются его носителями. Экстернализм, развиваемый Херли, — это экстернализм носителей. Он применим в тех случаях, когда невозможно искусственным образом разграничить внешние и внутренние процессы, каузально связанные с данным когнитивным состоянием. Кроме того, при наличии ковариации внутренних и внешних факторов, представляется невозможным удерживать одно множество факторов постоянным при варьировании другого множества. Каузальная роль множества внешних факторов в объяснении некоего когнитивного состояния неотделима от роли множества внутренних факторов. Это происходит, когда когнитивные состояния имеют динамический характер и делятся во времени. Так, состояния восприятия деятеля, непрерывно движущего телом, руками, головой и глазами при исследовании своей среды, основаны на множественных петлях обратной связи, охватывающими как события в теле деятеля, так и события в среде. При этом переменные нервной системы человека изменяют параметры в среде, а параметры системы среды могут воздействовать на нервную систему. В этом состоит один из основных принципов экстернализма носителей состояний восприятия.

НАУКА И РЕЛИГИЯ В ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ: СПОРЫ ВОКРУГ «ОЧЕРКОВ И ОБЗОРОВ»*

Михаил Станиславович Стецкевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: m.steckevich@spbu.ru

В последние десятилетия появилось немало исследователей (Дж. Мур, Ф. Тернер, Б. Лайтман), ставящих под сомнение тезис о конфликте науки и религии в Викторианской Англии (1837 – 1901). В данной связи представляют интерес дискуссии вокруг опубликованного в 1860 г. сборника статей «Очерки и обзоры», шесть из семи авторов которого были священниками, принадлежавшими к либеральному направлению в Церкви Англии (т.н. Широкая церковь). По мнению современников, сборник вызвал больший общественный резонанс, чем вышедшая несколькими месяцами ранее работа Ч. Дарвина «Происхождение видов». В текстах, вошедших в «Очерки и обзоры», отстаивался тезис о том, что изложение христианского учения может корректироваться по мере появления новых научных данных. Авторы отвергали истинность и исполнение ветхозаветных пророчеств, чудеса, а в последнем эссе Б. Джоуэтт утверждал: Библия может быть прочитана «как любая другая книга».

Характерно, что рецензии на «Очерки и обзоры» в церковной прессе были однозначно отрицательными, а сами авторы получили ироничное наименование «Семеро против Христа». Церковные издания подчеркивали: отказ от представления о всей Библии как «слове Божьем» ведёт к отрицанию и её сакрального статуса, и всего христианства. Группа видных ученых-натуралистов (включая Ч. Дарвина и Т. Гексли) подготовила письмо в защиту авторов «Очерков» (в итоге оно так и не было опубликовано), в котором отмечалось, что научные открытия и «общий прогресс» требуют и изменения религиозных взглядов. С другой стороны, «Декларация студентов Оксфордского университета, изучающих естественные науки» утверждала противоположное: ученый, обнаружив противоречие результатов своих исследований Библии, не должен «самонадеянно настаивать на их правильности», а дожидаться помощи Бога в поиске путей согласования спорных вопросов.

Таким образом, дискуссии продемонстрировали, что линия водораздела проходит между теми, кто отдавал приоритет вере (даже если эти люди были учёными или стремились ими

* Доклад подготовлен в рамках получившего финансовую поддержку РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук) научного проекта № 18-011-00241 «От эрастиянизма к трактарианизму: Церковь Англии в конце XVIII — первой половине XIX в.»

стать), понимаемой как тотальное принятие «богооткровенных» истин, и теми, кто полагал возможным их коррекцию (даже если это были англиканские священники), исходя из приоритета разума и факта. Обнаружившееся в ходе обсуждения очевидное различие между традиционной теологией и наукой свидетельствует о том, что тезис об их конфликте в Викторианской Англии не утратил актуальность.

СООТНОШЕНИЕ РЕДУКЦИИ И ОБЪЯСНЕНИЯ В НАУЧНОЙ ТЕОРИИ*

Дмитрий Павлович Суровягин

Кандидат философских наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

E-mail: surovyagin@hotmail.com

Эпистемологическая редукция может пониматься не просто как философская концепция, а как тип научного прогресса, который проявляется в упрощении и усовершенствовании структуры научного знания. Тип редукционных отношений, используемых в научной теории, указывает на логические и онтологические модели, которыми пользуется ученый, а также выражает познавательные цели и прагматические мотивы последнего.

В современных публикациях эпистемологическая редукция понимается весьма широко, и редукционизм охватывает широкий класс случаев сокращений теорий и замен одной теории на другую, встречающихся в реальной научной практике. Например, модель редукции К. Шаффнера включает в себя все виды сокращений или уточнений дефиниций и теорем, которые фактически осуществляет исследователь при улучшении логической структуры теории.

Столь широкое понимание редукции дает толчок к развитию новых подходов, уточняющих идею редукции применительно к разным типам научных теорий. Классическое понятие редукции, основанное на работах Э. Нагеля, мы предлагаем соотносить с дедуктивно-номологической моделью объяснения К. Гемпеля и П. Оппенгейма. Общая идея последней заключается в том, что научное объяснение некоторого факта предполагает дедуктивное выведение высказывания, описывающего данный факт, из множества законов научной теории.

Проблема современной эпистемологии, решению которой может помочь сближение моделей редукции и объяснения, состоит в обосновании адекватного понимания редукции в области гуманитарных наук. Необходимо ли при редукции термина в гуманитарной научной теории учитывать предметную или методологическую специфику гуманитарного знания? Отвечая на этот вопрос, мы планируем показать, что редукция как эпистемологическая операция универсальна для научного познания и непосредственно связана с такой функцией научной теории как объяснение. Основной задачей исследовательского проекта является сравнительный и критический анализ различных моделей эпистемологической редукции и выявление среди них той модели, которая в наибольшей степени отвечает специфике гуманитарного познания.

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННО ЕМКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА СТРУКТУРУ НАУКИ**

Сергей Михайлович Титов

Аспирант кафедры философии науки и техники

Государственный академический университет гуманитарных наук

E-mail: m.titov.servey@gmail.com

В данной работе мы рассматриваем как появление и широкое распространение информационно-емких исследований (data-driven research) влияет на структуру науки.

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ, № 18-311-00091 «Редукция и объяснение в гуманитарных науках».

** Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ №19-011-00799, «Проблема обоснования знаний в формальной эпистемологии».

Информационно-емкие исследования – свежий в науке феномен, когда исследование строится не на классическом процессе опровержения заранее сформулированных гипотез, а на сборе большого объема данных и поиске уникальных феноменов в этом массиве [1]. Такой тип исследований приобрел широкое распространение в связи с большей доступностью данных во многих науках и благодаря экспоненциально возросшими вычислительными мощностями, которые стали доступны ученым [2].

В связи с тем, что исследования такого рода не опираются на гипотезы, которые вытекают из теорий, факты, обнаруженные в результате этих исследований, или встраиваются в теории *ad hoc* или остаются не связанными с теорией вовсе. В своей работе В. Питш предположил [3], что при увеличении доли таких исследований начинает меняться структура науки – она начинает превращаться из «вертикальной» в «горизонтальную». Вертикальная наука – классическая форма науки, где знания выстроены в структуру от более общей к теории к частным гипотезам. Горизонтальная – форма науки, где знания представлены как набор фактов, объединенных в небольшие группы частными гипотезами.

На примере ряда дисциплин мы утверждаем, что такой структурный переход сопровождается возникновением репликационного кризиса [4]. Мы предполагаем, что это связано с тем, что в рамках вертикальной науки существует механизм естественной репликации результатов – при проверке гипотезы мы проверяем все предыдущие результаты, на основании которых мы выдвинули эту гипотезу. В случае с горизонтальной структурой науки такой механизм отсутствует, так как факты, выведенные из данных, лишены общей теории и слабо связаны друг с другом.

В итоге, мы хотим подчеркнуть, что увеличение доли информационно-емких исследований в рамках дисциплины должно сопровождаться повышением требований к надежности исследования и организации дополнительных работ по обеспечении реплицируемости результатов.

Литература

1. *Napoletani D., Panza M., Struppa D.C.* Agnostic science. Towards a philosophy of data analysis. *Foundations of Science*, 2011. Vol. 16. No 1. pp. 1-20.
2. *Sagiroglu S., Sinanc D.* Big data: A review // 2013 international conference on collaboration technologies and systems (CTS). IEEE, 2013. pp. 42-47.
3. *Pietsch W.* The causal nature of modeling with big data // *Philosophy & Technology*. 2016. Vol. 29. No 2. pp. 137-171.
4. *Maxwell S.E., Lau M.Y., Howard G.S.* Is psychology suffering from a replication crisis? What does “failure to replicate” really mean? // *American Psychologist*. 2015. Vol. 70. No 6. P. 487.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ОБЪЕКТ ЦИФРОВОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ*

Софья Владимировна Тихонова

Доктор философских наук, профессор

Саратовский национальный исследовательский государственный университет

имени Н.Г. Чернышевского

E-mail: segedasv@yandex.ru

Актуальность исследования исторической памяти детерминирована трансформацией современной медиасферы, ставящей под вопрос эффективность традиционных программ государственной политики памяти. Бурное развитие сервисов социальных сетей, характерное для последнего десятилетия, вовлекает массовую аудиторию пользователей Интернета в процессы конструирования образов прошлого. Массированные информационные потоки исторического контента, создаваемые обывателями, не только становятся новым фактором влияния на коллективные и индивидуальные идентичности, но и создают благоприятные условия для войн памяти. Новая роль исторического контента в социальной структуризации

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ (19-011-00265 «Социальное конструирование исторической памяти в цифровом мире»).

трансформирует функционирование общественного сознания в условиях компьютерно-опосредованной среды, сетевых интеграций и дополненной реальности.

Историческая память, ранее конструировавшаяся интеллектуальной элитой, профессиональными историками и идеологами, сегодня открыта для творчества широких масс. Интернет-коммуникация предоставляет широкие возможности рядовым пользователям по влиянию на историческое знание, позволяет им редактировать и переформатировать его. Культурная память включается в коммуникативную практику путем использования исторических текстов в производстве медийного контента, за счет чего смещается баланс между культурной и коммуникативной памятью в исторической памяти современного общества. Под историческими текстами понимается вся совокупность исторических источников, доступных в цифровой среде (исторические исследования, художественные произведения, фото и видеохроника, мемы, оцифрованные архивные документы). В условиях широкого распространения социальных медиа возникает новое пространство циркуляции исторического контента, вытесняющее традиционную коммуникативную память. В цифровых условиях формируется новый баланс коммуникативной и культурной памяти, а также способы их коммуникации, что радикально меняет облик памяти исторической.

В фокусе авторского внимания находится, во-первых, поиск нового методологического инструментария для изучения современных практик конструирования прошлого, и во-вторых, социально-философским осмыслением социальных функций исторической памяти в цифровую эпоху.

Решение этих задач позволит интегрировать исследовательскую парадигму *memogystudies* в методологическое поле социальной теории, описывающей структуру и динамику цифрового общества.

НАУКА В СТИЛЕ NYGGE: DIYBIO И ТРАНСПОНИРОВАНИЕ ЛАБОРАТОРИИ*

Ася Алексеевна Филатова

Кандидат философских наук, доцент

Донской государственный технический университет

E-mail: asya_filatova@rambler.ru

Расцвет «гаражной» или «кухонной» науки, начавшийся в США и ряде европейских стран в начале 2000-х годов, стал одним из проявлений более фундаментального процесса демократизации науки. «Гаражная наука» в первую очередь связана с расцветом синтетической биологии и освоением технологии редактирования генома CRISPR/Cas9. Следуя принципу «ты можешь изучать биотехнологии в любое время и в любом месте – никакого опыта не требуется» (<https://www.the-odin.com/>), DIY биологи стали создавать лаборатории в собственных гостиных, кухнях и гаражах. Однако гаражная DIY биология – это вовсе не первый опыт переноса лабораторной жизни в «домашний мир». Ее историческими предшественниками стали пользователи разного рода химических портативных наборов, предназначенных для проведения домашних химических экспериментов. Наибольшую известность получили появившиеся в начале XX в. и достигшие пика популярности в 50-е гг. в США наборы «Юный химик» (Chemistry Set). Используя фрейм-анализ И. Гофмана, мы пытаемся показать через какие фреймы (хобби, игры, обучения) происходило транспонирование лаборатории в домашние условия на протяжении последних двух столетий, какие идеологические основания за ними стояли и как они трансформировались в зависимости от политических, экономических и социальных условий.

Движение DIYbio, несмотря на сохранение общей просветительской риторики, устанавливает принципиально новую повестку. Домашняя лаборатория – это не то место, где происходит подготовка к миру большой науки, своего рода репетиция или игра в науку, это пространство, в котором она и осуществляется, причем в своей наиболее передовой форме, такая одомашненная наука становится значимым актором в решении наиболее острых медицинских и экологических проблем. Подобного рода транспонирование не происходит

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ №19-011-00848 «Роль био- и нейрохакинга в системе наука-общество»

бесследно для изначального содержания, т.е. для научной практики. Домашний мир как мир подручного, близкого, неотчужденного, самоочевидного, связанного с особыми режимами вовлечения и самодисциплины, предстает в феноменологической и герменевтической философской традиции как противостоящий формализованному, отчужденному, дегуманизированному миру науки. Наложение этих двух миров трансформирует как домашний мир, так и мир научной практики. Для обозначения особого стиля, в котором осуществляется «кухонная наука» мы используем известное датское слово «hygge», обозначающее как уютное, комфортное пространство, так и особый образ жизни, связанный с ощущением счастья и удовлетворенности от занятия любимым делом. Стиль домашней науки проявляет себя в биохакерской идеологии открытости и бескорыстности, особых режимах взаимодействия и коммуникации, практиках самостоятельной сборки и пересборки лабораторного оборудования и т.п.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЭПОХУ ПУБЛИКАЦИОННОЙ ИНФЛЯЦИИ*

Елена Эдуардовна Чеботарева

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии науки и техники
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: e.chebotareva@spbu.ru*

Одно из проявлений кризиса в современной науке связано с тем, что научные исследования, их тематика и форма презентации результатов изменяются под давлением меняющихся требований эффективности. В данном случае мы рассматриваем публикации как результаты научной деятельности. Современная оценка эффективности научной деятельности подразумевает определенное количество публикаций вне зависимости от значимости результатов, что приводит к публикационной инфляции, которая в свою очередь запускает спусковой механизм множества обслуживающих её практик и стратегий.

Со стороны стратегий исследователей мы наблюдаем не всегда оправданное увеличение числа соавторов, известный метод salami slicing (когда из одной статьи по «старым меркам» делают столько, сколько необходимо согласно рабочему договору вне зависимости от новизны и содержательности материала), выбор «горячих тем» и избегание новых путей в науке. Со стороны обслуживающих науку и кормящихся от неё структур мы видим всё большее расширение поисковых баз и способов идентификации авторов и публикаций, рост академических сетей, разработку практик продвижения ученого и его научной продукции (размещение в сетях и на различных информационных площадках, стратегии построения статей и аннотаций с целью привлечения внимания, предложения различного рода услуг от подбора литературы и перевода на английский язык до подготовки публикаций «под ключ»).

Дополнительные штрихи, с тенденцией к превращению в основные, вносит новая виртуальная библиометрия под названием «альтметрики». С одной стороны, альтметрики представляют собой будто бы «альтернативную» - более адекватную и менее формальную оценку публикации внутри интернет-сетей, показывая количество просмотров, скачиваний, комментариев, перепостов и т.д. С другой стороны, альтметрики работают в той же ситуации публикационной инфляции, в которой «реклама» и продвижение научной продукции оказываются важнее её содержания, поэтому вряд ли стоит рассчитывать на них как на более эффективный подход. Скорее, стоит исследовать, как требования альтметрики формируют новый тип и форму научного знания, которая вскоре будет восприниматься как само собой разумеющаяся.

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ (№ 15-03-00572, 2015-2017 «Проблемы эффективности научных исследований: философский и исторический контексты»).

ЭТИКА КАК НАУКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. «ОЧЕРКОВ И ОБЗОРОВ»*

Татьяна Витаутасовна Чумакова

Доктор философских наук, профессор Института философии

Санкт-Петербургского государственного университета

E-mail: t.chumakova@spbu.ru

Процесс институционализации этического знания, который шел в России с начала эпохи секуляризации, начавшийся еще до Петровских реформ, способствовал постепенному становлению этики как науки в отечественной традиции. При том, что в целом этика развивалась под сильным влиянием западноевропейской традиции, существовала некоторая российская специфика, так К.Д. Кавелин отмечал, что при том, что в России, как и в Европе, отмечается возрастание интереса к этической мысли, но если европейцев больше привлекают теоретические проблемы этики, то в России более популярна прикладная этика. Изучение работ, опубликованных в Российской империи в данный период, подтверждает правоту Кавелина. С конца 60-х годов издается множество этических сочинений. Публикуется множество переводных трудов, которые мы условно можем разделить на работы теоретического характера (работы Ф.Иодля, Ф. Кирхнера, Г.Спенсера, и др.), учебники и работы по прикладной этике. Их очень много. Это работы по профессиональной этике (врачебной, как например А.Молл «Врачебная этика») и, конечно же, адвокатской и судебной. Активное развитие этих прикладных этик было связано с тем, что в 60-е годы в Российской империи происходят серьезные изменения в процессуальном праве и начинается быстрое развитие института адвокатуры. Конечно происходит рецепция западной адвокатской этики, в связи с чем переводятся своды профессиональной адвокатской этики, выработанные западными институтами адвокатуры, и огромное количество работ российских общественных деятелей, правоведов и адвокатов. Появляются также сочинения по педагогической этике, и этике семейной и сексуальной жизни (как переводные, так и российские сочинения). Идеи, связанные с этичным отношением к живым существам также вызвали отклик среди российской читающей публики (была переведена и опубликована с предисловием Л.Н. Толстого «The Ethics of Diet» У. Говарда). И конечно же появилось много переводных и российских сочинений, затрагивающих социальные аспекты этики (книги К. Каутского, Т. Карлейля и др.). Благодаря смягчению в начале XX в. цензурной политики стало возможно издание сочинений по религиозной этике. Этот краткий обзор показывает активное развитие этической науки в России в к. XIX – начале XX вв.

АРГУМЕНТАТИВНЫЕ ПАТТЕРНЫ «ПРОДАЮЩЕГО» ТЕКСТА**

Ольга Александровна Шапиро

Кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания

Воронежский государственный университет

E-mail: shapiro.olha@gmail.com

В докладе рассматривается реклама как разновидность «продающего» текста. Цель исследования – выявление базовых аргументативных паттернов, используемых в современных рекламных текстах, и анализ трансформации этих паттернов в ходе культурно-исторического процесса.

Под аргументативными паттернами автор понимает регулярно и однотипно используемые (квази)аргументативные средства. Предполагается, что спецификой аргументативных паттернов, используемых в делиберативной аргументации, является убеждение адресата аргументации принять некоторое решение о совершении действия. Поскольку процесс принятия решений является по крайней мере не полностью рациональным,

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ 19-011-00766 «Категориальный строй русской этической мысли».

** Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ № 20-011-00485 «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием».

эффективными аргументативными паттернами зачастую оказываются не строгие аргументативные структуры, а разного рода уловки.

Всего автор предлагает рассмотреть 5 паттернов, используемых в рекламных текстах: 2 паттерна, представляющих собой собственно аргументацию (перечисление преимуществ товара в виде энтимемы и использование примера как основания для правдоподобной аргументации по аналогии), и 3 паттерна-уловки (продажа цены как аргумент к выгоде, две разновидности аргумента к авторитету и продажа статуса или принадлежности к группе как аргумент к тщеславию). Автор доклада полагает, что первая группа паттернов, представляющих собой собственно аргументативные структуры, является инвариантной для рекламного текста, тогда как паттерны-уловки социально-исторически обусловлены. Действительно, рекомендации к использованию в аргументации энимем и примеров мы находим еще у Аристотеля, они же повторяются у Х. Перельмана и Л. Олбрехтс-Тытеки, а также в современных пособиях по копирайтингу. Эти паттерны хорошо прослеживаются на материале современной текстовой и видеорекламы. В то же время распространенные сегодня паттерны-уловки непосредственно связаны со спецификой современного общества и культуры. Так, например, обращение к популярным персонам как к авторитетам связано с массовизацией современной культуры, ставка на визуальный ряд в рекламе – с развитием технологий, а отдельное внимание, уделяемое «продаже цены» – с особенностями современного рынка товаров и услуг.

МИФЫ О ЧУДОВИЩАХ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ЭПИКУРЕЙСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ*

Марианна Михайловна Шахнович

*Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии религии и религиоведения
Санкт-Петербургский государственный университет*

E-mail: m.shakhnovich@spbu.ru

В античной традиции существовало несколько типов интерпретации мифов о чудовищах: собственно мифологический, аллегорический или символический и рационалистический.

Поиск скрытого смысла в мифах вызвал их символическое переосмысление. В VI в. до н.э. комментатор Гомера Теаген из Регий указывал, что боги — это аллегории природных явлений. Ранняя аллегорическая интерпретация мифологии получила развитие у стоиков, которые сводили всех богов к физическим и этическим понятиям (Цицерон. О природе богов, II). Римский стоик Луций Анней Корнут написал специальное сочинение «краткое изложение традиционного греческого богословия», в котором аллегорически интерпретировал имена греческих богов, выводя их из этимологий.

В эллинистическую эпоху стремление к рационализации мифологии способствовало ее прагматическому истолкованию и приданию мифологическим образам исторической реальности (Палефат. «О невероятных вещах»).

Полное отрицание существования териоморфных существ связано с критикой мифологической картины мира в целом. Рационалистическая интерпретация мифов о невероятных существах объясняла причину их возникновения отнюдь не невежеством или глупым вымыслом. Если Фалес лишь посмеивался над тайной происхождения кентавров, намекая на неблагоприятное поведение пастухов (Плутарх. Пир семи мудрецов, 3), то Лукреций утверждал, что существование кентавров невозможно. Он писал, что ни кентавры, ни Скилла, ни Химера не могли появиться, потому что строение их тел противоречит законам природы, ибо в ней: «Нет указаний на то, что могли бы со смешанным телом Твари возникнуть и в них разнородные члены сплотиться» («О природе вещей» V, 918-919).

Эпикур полагал, что цель изучения природы – изгнание страха, в том числе и перед фантастическими чудовищами. Он считал, что возникновение мифов о териоморфных существах связано с особенностями человеческого восприятия окружающего мира. В сознании человека происходит ошибочное смешение разнородных атомарных образов, истекших от реальных объектов. Вследствие чего возникает ложное мнение о реальном существовании фантастических существ, которые на самом деле ничто иное – как иллюзия.

* Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ № 18-011-01123 «Проблема сопряжения морали и религии в эпикурейской и стоической философии: сравнительный анализ полемики дискуссии».

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ НАУКИ И МЕТАМОДЕРНИЗМ*

Владимир Иванович Щеров

*Кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук
Филиал Национального исследовательского университета «МЭИ» в г. Смоленске
E-mail: sher52@yandex.ru*

Одной из черт постнеклассической модели науки является ее нарративная легитимация в существующей культурологической парадигме со своими семиотическими, познавательными, антропологическими критериями. В начале XXI века быстро развивающаяся наука стремится соответствовать новым условиям выстраивания дискурсивных и коммуникативных практик. Метамодернизм является актуальным примером такого взаимодействия, вбирающего в себя новые онтологические, эпистемологические и эстетические установки. К ним можно отнести альтернативные постмодерну стратегии реконструирования аутентичности, истинности, трансцендентности, репрезентативную практику «структуры чувств», *diakrisis* как незавершенное диалектическое различие в условиях пространственно-временной амбивалентности и нелинейности исторического процесса и пр. Многие из этих принципов укрепляются методическими доминантами постнеклассической картины мира. В эпистемологии постнеклассики отчетливо прослеживается её общий с метамодерном *антропный, информационный, интегративный и перформативный характер. Антропный принцип, господствующий сегодня на всех уровнях познания, предполагает любой вид знания в качестве средства для обслуживания потребностей человека. Человек является составным звеном любой самодействующей системы (природы, техники, общества): он оказывается от неё зависимым, но и влияющим на её развитие. Информационный аспект современного общества связан с развитием коммуникативных технологий и с увеличением скорости распространения информации. Подтверждение эмпирически или теоретически противоречивой информации становится для познающего субъекта второстепенной задачей; субъект превращается в оператора по приёму огромного количества информации и быстро на неё реагирования. Интегративность обозначает такую форму нередуцируемого знания, когда генерируемые в целое отдельные подсистемы сохраняют свою автономность. Обобщение, какие бы крупные масштабы оно не принимало, всегда будет обнаруживать свою незавершённость и изменчивость, так как невозможно преодолеть локальность и условность отдельных элементов общего (например, процесс глобализации, теория нестационарной Вселенной и т. д.). Перформативный характер знания указывает не только на ценность его достоверности, но и на его применимости на практике. В дискурсивном построении такого знания перформативные суждения, в отличие от классических денотативных суждений, проецируются на возможные референты. Важно не объяснить или точно отразить реальность, а сформировать ясное и отчётливое представление пусть и о вымышленных референтах.*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ В ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Юрий Васильевич Ярмак

*Доктор политических наук, профессор
Московский городской педагогический университет
E-mail: y.yarmak@mail.ru*

Трудно себе представить процесс развития истории политической науки без учета ее взаимодействия с философией. Политическая наука в своей теоретической части опирается на философию. Происходит круговорот идей между философией и политологией³, что, в частности, проявляется при обсуждении проблем отчуждения. (В рамках данного доклада понятия «политическая наука» и «политология» будут носить синонимический характер).

* Доклад подготовлен по результатам проекта РФФИ 19-111-50052 «Философские аспекты метамодернизма».

** Исследование ведется при поддержке РФФИ, проект «Отчужденные формы научной коммуникации (философско-методологический анализ)», № 20-011-00710 А.

³ В рамках данного доклада понятия «политическая наука» и «политология» будут носить синонимический характер.

Истоки формирования данной проблематики можно найти еще в античной философской мысли. Непосредственно концептуализация этих идей происходит в философии Нового времени в трудах Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо. Понятия «отчуждение» исходно оказывается связано с пониманием социального характера процессов отчуждения. Онтологический статус этим проблемам придают И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс. Особое место обсуждению проблем отчуждения отводится в XX веке, в первую очередь, в рамках Франкфуртской школы в трудах М. Хоркхаймера и Хабермаса, Т. Адорно, и Г. Маркузе. Одновременно с этим и под непосредственным влиянием философских идей развиваются и собственно идеи политического отчуждения. В частности, они обсуждаются в контексте ценностных социально-политических ориентаций, политического участия, гражданского контроля, в контексте прав граждан участвовать в подготовке и принятии управленческих решений, других контекстах. В качестве центральной проблемы политического отчуждения обсуждаются проблемы отчуждения от политической системы, проблемы неспособности и невозможности повлиять на процесс подготовки и принятия решений в рамках существующей социально-политической системы, другие вопросы. В докладе будет представлен опыт исследования политического отчуждения в отечественной и зарубежной литературе (в частности, будут рассмотрены взгляды М.Е. Olsen и М. Seeman). Будет показано, что в современных условиях политическая наука не может представить достаточно строгую концептуализацию понятия «политическое отчуждение», последовательное и в каком-то смысле завершенное видение проблем отчуждения в рамках политической системы.

Второй Международный Конгресс Русского общества
истории и философии науки
«Наука как общественное благо»

Том 7

Сборник тезисов
Сетевое электронное издание

Научная редакция и составление – Л.В. Шиповалова, И.Т. Касавин.

Компьютерная верстка: Т.М. Хусяинов

Подписано к использованию 15.11.2020.

Формат: PDF/A. Усл. печ. л. 5,7.

Объем данных – 2 Мбайт.

Минимальные системные требования:
браузер Google Chrome v. 2.0 и выше,
пропускная способность сетевого подключения не менее 128 кбит/с

Издательство «Русское общество истории и философии науки»

105062, Россия, Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2, комн. 2.

E-mail: info@rshps.ru

ISBN 978-5-6045557-2-9

9 785604 555729 >